

Наталья Вильчинская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Вильчинская

Тая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вильчинская Н. Г.

Тая / Н. Г. Вильчинская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Все мы из детства, и у каждого из нас на самом дне души лежит, свернувшись калачиком, маленький ребёнок с его страхами, обидами и нереализованными мечтами, с которым мы учимся договариваться всю нашу сознательную жизнь. Это грустная история про девочку Таю, которая, пережив трагедию в детстве, позволила прошлому предопределить исход ее будущего...Содержит нецензурную брань.

© Вильчинская Н. Г., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Посвящается моей бабушке Вильчинской Наталье Арсентьевне, которая однажды очень устала жить...

Глава 1

– Жидовка!

Это было последнее слово, которая Тая услышала перед тем, как огромный камень ударил ее по голове, сбив с ног. Упав на землю, девочка горько заплакала от боли, в то время как мальчишки, победоносно улюлюкая, убегали прочь. Встать не было сил, голова гудела, а по лицу теплыми солеными струйками растекалась кровь.

Кто такая жидовка, она не знала, но что это что-то очень обидное, понимала четко. Кое-как придя в себя, маленькая Тая встала с земли и, закрывая руками кровоточащую рану, поплелась домой.

Дверь открыла старенькая бабушка Анна Аркадьевна. Увидев кровь и перепачканную одежду, она тяжело вздохнула.

– Мать будет в ярости! Быстро в ванную.

В том, что вечером ее ждет хорошая порция ремня, Тая не сомневалась. Сколько она себя помнила, ее постоянно били. Били за порванную или грязную одежду, за недоеденную кашу, за то, что убежала в соседний двор, залезла на забор или сарай или просто заигралась у подружки... Мать била Тая дедушкиным ремнем с пряжкой. И это было очень больно. Она вырывалась, убегала в соседнюю комнату, пыталась забаррикадировать дверь стулом, но все было бесполезно. Если ей удавалось спрятать все дедушкины брючные ремни, мама брала в руки провод или прут и все равно вершила самосуд.

Они жили втроем: Тая, мама и бабушка. В двухкомнатной «сталинке». У Таи не было своей комнаты, и она жила в одной комнате с бабушкой: Тая на диванчике, а бабуля на кровати. Рядом с Таиным диванчиком стояли огромный книжный шкаф и стол с книжными полками. Книг было очень много, и они были повсюду. Когда Тая не могла заснуть, она подолгу лежала, уставившись на разноцветные обложки изданий. Ее уставший от детской суеты и беготни взгляд скользил с одного имени на другое, останавливался на необычном шрифте или красивой букве, а потом снова перескакивал с полки на полку и, наконец, обессилив, Тая погружалась в сон.

Девочка никогда в жизни не видела своего дедушку, но знала, что своей шикарной коллекцией книг они обязаны именно ему. Дедушка был ученым и периодически ездил в большой город Москву, и из каждой такой поездки обязательно привозил новые книги. Однажды он потратил почти всю зарплату на редкие по тем временам сокровища: «Мастера и Маргариту» Булгакова, сборник Агаты Кристи и стихи Цветаевой. Вся семья с пониманием отнеслась к такой расточительности главы семейства и, подпоясав пояски до следующей полочки, наслаждалась духовной пищей. Бабушка рассказывала, что некоторые из книг – например, «Библиотеку всемирной литературы» – он получал по подписке, которую оформлял в книжных магазинах, и, когда «подписные» издания наконец-то поступали в магазин, вынужден был стоять по пять-шесть часов в очереди, чтобы пополнить свою драгоценную домашнюю библиотеку. Эти книги Тая узнавала сразу – в одинаковых глянцевых обложках, но обязательно с разными цветными корешками, дружными шеренгами книги стояли на полке и многозначительно доминировали.

Ни бабушка, ни тем более мама не учили ее читать, но в четыре года Тая прочитала два сборника сказок зарубежных писателей... В пять – «Две Дианы» Дюма и «Всадника без головы» Майн Рида, а в шесть – полное собрание сочинений Жюль Верна. Скорость, с которой она поглощала книги, росла с геометрической прогрессией. Книги были ее тайным миром, волшебной страной Эльдорадо, путеводителем в необъятный мир, который, по мнению Таи, был куда более значимым, чем родной двор дома, в котором они жили. А это, надо заметить, был необычный дом – новый и красивый, он возник на центральной улице города между ста-

рыми дореволюционными деревянными постройками. Играя на солнце огромными окнами и толстыми стенами из красного кирпича, Таин дом всем своим видом показывал значимость тех людей, которые в нем жили: писатели и художники, партийные работники и ученые.

Таин дедушка Лев Константинович Виельгорский и по совместительству муж Анны Аркадьевны был доктором технических наук и заведующим кафедры приборостроения в авиационном институте. Каким-то чудом он получил роскошную по тем временам двухкомнатную квартиру, пожить в которой ему, к сожалению, так и не довелось. Через пару месяцев после переезда у него случился инфаркт, а еще через полгода родилась его внучка Тая, с которой он тоже так и не успел познакомиться...

Кое-как отмыв кровь и положив в огромный эмалированный таз детскую рубашечку с шортами, Анна Аркадьевна обильно помазала рану внучки зеленкой и, дав ей в руки кусок мяса из морозильной камеры, уложила маленькую Таю на диван, предварительно постелив на него старую детскую пеленку.

– Испачкаем диван кровью, мать убьет!

– Бабуль, она и так меня убьет... – грустно констатировала Тая.

– Ничего, может, еще и обойдется. Я все замочила с мылом хозяйственным – должно отстираться.

– Бабуль, а кто такая «жидовка»? – спросила Тая и вопросительно посмотрела в синие, как небо, глаза бабушки.

Анна Аркадьевна нахмурила брови.

– Кто тебе такое сказал?

– Гришка...

– Глупый твой Гришка. А камнем тоже он?

– Он... Он сказал, что я жидовка и бросил в меня камень. Ну так кто такая жидовка?

– Жидовка – это еврейка, иудейка... – неуверенно ответила Анна Аркадьевна и поправила выбившуюся из прически седую прядь волос.

– Бабуль, а это правда? Мы что, евреи?

– Да с чего он вообще такое заявил?! – перебила ее бабушка.

– Ну, они играли в футбол, я подошла и попросилась с ними. А он мне отказал, сказав, что с жидами не играет. Я не очень поняла, что значит «с жидами», но на всякий случай назвала его дураком. А он взял камень и кинул в меня. Бабуль, мне не нравится слово «жид», оно какое-то обидное, как будто с жидами все равно, что со вшами.

Про вшей Тая теперь была хорошо осведомлена. Прошлой осенью в ее детском саду обнаружили вшей. Эпидемия не обошла стороной и Таю. Мама очень сильно возмущалась, ведь садик относился к заводу, на котором она работала. Был большой скандал, после которого Таю из детского сада забрали и больше туда никогда не водили. В течение двух или трех недель волосы мыли керосином и дегтярным мылом, от чего они жутко воняли.

– Таюш, у тебя какая фамилия?

– Ви-ель-гор-ска-я, – медленно, но четко произнесла девочка.

– А чья эта фамилия?

– Дедушкина.

– Верно! Твой дедушка был прекрасным человеком, героем войны и моим дорогим мужем. А еще он был евреем. И это не хорошо и не плохо. Во всем мире около 2000 национальностей, среди них: арабы, башкиры, русские, китайцы, англичане, немцы, французы, евреи и многие-многие другие. И это совершенно неважно, к какой национальности ты относишься, главное, чтобы человек был хорошим и вежливым. Вот вежливости твоему Гришке точно не мешало бы поучиться! Увижу его, обязательно скажу!

– Баб, не надо, я сама, – возразила Тая, хотя прекрасно знала, что бабушка никогда в жизни не пойдет выяснять отношения с каким-то там Гришкой.

Она, в принципе, никогда и ни с кем не выясняла отношения. Анна Аркадьевна не была похожа на других бабушек, которые сидели целыми днями на скамеечке во дворе и грызли семечки.

Семечки она не грызла и не разрешала этого делать и Тая, потому что от них портились зубы. С соседскими бабушками Анна Аркадьевна лишь здоровалась и проходила мимо, а скамеечки любила только в парке с озером, где плавали лебеди. Если была хорошая погода, они брали с собой маленький мячик, пару мытых яблок и шли в этот парк. Бабуля садилась на скамейку, подставив свое старое морщинистое лицо солнцу, и дремала, пока Тая гоняла сама с собой мячик.

Тая мало что знала про бабушкино прошлое. Знала, что у нее раньше была другая фамилия – Грейг. Это было еще до того, как она встретила дедушку. Бабушка жила в большом доме с родителями и братом с сестрой. А еще у нее были слуги, длинные платья и даже свое собственное маленькое озеро с лебедями. Но это было очень-очень давно, когда бабушке было всего несколько годиков, меньше, чем сейчас Тая.

Анна Аркадьевна Грейг действительно родилась в далеком 1913 году в славном городе на берегу Невы, в большом доме с прудом, принадлежавшим ее отцу, Аркадию Самуиловичу Грейгу, сыну Самуила Алексеевича Грейга – генерала и члена Государственного совета. Мать Анны Аркадьевны, Елизавета Петровна Волконская, была очень дальней родственницей тех самых Волконских, но эта дальность нисколько ни на что не влияла и ни в коем случае не затмевала ее природное очарование и красоту. Ее брак с Аркадием Самуиловичем был тем самым редким случаем, когда брак по договоренности родителей всецело отражал желания новобрачных.

Юная Лиза, будущая мама Анны Аркадьевны, была представлена своему супругу Аркадию на рождественском балу, где тот, увидев волнуящий трепет пушистых ресниц и легкий румянец девичьих щек, был незамедлительно сражен наповал. Что в свою очередь вызвало учащенное сердцебиение Лизоньки, ведь о таком муже она мечтала с самого детства – высокий статный мужчина в мундире и с усами! Через месяц молодых обвенчали, и юная Елизавета переехала в родовое гнездо Грейгов.

Через полтора года по фамильному паркету затопали маленькие ножки названного в честь деда Самуила, еще через полтора – Алексея, в честь прадеда, и только через шесть лет счастливые родители смогли наконец-то поцеловать розовые пяточки долгожданной принцессы Анны. Аркадий Самуилович и Елизавета Петровна души не чаяли в желанной дочери. Ведь, как известно, через сыновей родители удовлетворяют свои нереализованные амбиции, а дочерей просто любят и боготворят! И в этом родители преуспели: с детства Анечку окружали шелковые пеленки и золотые погремушки, любой ее каприз казался невинной шалостью, недовольный плач – реакцией на плохую погоду. Глядя на ее живой ум и прекрасный музыкальный слух, педагоги пророчили девочке блестящее будущее и не менее блестящую партию в замужестве, но события 1917-го внесли свои коррективы.

Говорят, что мы рождаемся с воспоминаниями о наших прошлых жизнях, и чем старше становимся, тем призрачнее становятся наши воспоминания. Так ли это, Анна Аркадьевна не знала, ведь даже свое «золотое» детство она практически не помнила. Крупные мазки, размытые краски, отголоски звуков и голосов. Когда началась революция, Анне было всего четыре года, старшим братьям Самуилу и Алексею – девять и семь. Она не помнила, что именно произошло, и как в ее уютном и красивом доме оказались жуткие люди с такими же жуткими голосами. Помнила, как у нее зачем-то отобрали любимую фарфоровую куклу и оторвали у куклы волосы и порвали платье. Помнила грязные следы от чужих сапог и совсем не помнила своих родителей...

Что стало с молодой четой Грейг, никто толком не знал. Поговаривали, что старшие Грейг сумели спастись и укрыться в далеком Париже, а вот их детям и правнукам повезло меньше.

Елизавета Петровна и Аркадий Самуилович просто бесследно пропали холодным декабрьским утром. Детей распределили в детские дома, а прекрасный дом с озером, еще хранивший в себе запах счастья и гармонии, был отдан под нужды революции...

Как-то раз Тая с бабушкой смотрели фильм «Чучело», и бабушка обмолвилась, что давным-давно жила в детском доме. Но на все вопросы любознательной Таи отвечать отказалась, отмахнувшись, что есть такие в жизни эпизоды, о которых лучше и не вспоминать. Любопытная Тая попыталась расспросить маму, но, как выяснилось, и та знала немного. Мама рассказала, что жизнь в детском доме была очень суровая, дети голодали, и от голода становились особенно жестокими и злыми. Неизвестно, что с ними бы стало, если бы их не нашла тетя Лена, родная тетушка Аркадия Самуиловича, и вовремя не забрала к себе. Пик голода пришелся на 1921 год и в большей степени касался Поволожья, но и северной столице пришлось несладко. Всеми правдами и неправдами, собрав и оформив все необходимые документы, тетя Лена стала опекуном двух худых и подавленных подростков – Самуила и Алексея – и маленькой дикарки Анечки. К тому времени дети уже успели провести в детском доме долгих четыре года...

– Тай, – Анна Аркадьевна заглянула в комнату, – а знаешь, какая у меня есть чудовищность?!

– Ммм, – промычала внучка.

– Сегодня воскресенье, а это значит...

– В гостях у сказки!!! – подпрыгнула на диване Тая и стремглав побежала к телевизору. – Сколько времени? – раздалось уже из соседней комнаты.

– Без пятнадцати четыре, – улыбнувшись, ответила бабушка. – Как раз хватит времени, чтобы приготовить кисель с сухариками.

– Бабуль, я тебя обожаю!

– А я тебя, – не переставая улыбаться, ответила Анна Аркадьевна и пошла на кухню.

Когда мама вернулась с работы домой, Тая уже лежала в постели.

Девочка слышала, как хлопнула входная дверь, шаркнули по паркету туфли и, легким шагом, минуя Таину комнату, мама прошла напрямик в ванную.

– Опять упала? – спросила женщина, выйдя из ванной.

– Да, Леночка, только ты ее не ругай. В нее соседский мальчишка камнем кинул. Она не специально.

– Мам, она всегда не специально! А я потом не знаю, где вещи новые добыть и как их отстирать. Таким трудом все достается!

– Я тебя умоляю! Вещи стираю я, а не ты. Да и от Беллочки пришла огромная посылка из Ленинграда на днях. Таюша вырастет и не успеет все даже сносить. Это же дети, они всегда падают и дерутся. У меня вас четверо было и ничего!

– Да, только у тебя еще дедушка был, который работал. А у меня есть только я и двое иждивенцев!

– Лена, ты забываешься! – возразила пожилая женщина твердым, несмотря на возраст, голосом.

– Я устала и хочу спать, – вырвалось у дочери с раздражением. – Мам, если ты не против, я лягу.

– Да, конечно... – сухо ответила Анна Аркадьевна и удалилась в их с внучкой комнату.

Она уже давно перестала обижаться на свою дочь, но, когда та приходила не в духе и с порога обрушивала свой гнев на домочадцев, сердце Анны Аркадьевны начинало тихо постукивать.

Лена была самой младшей из детей. За свою долгую жизнь Анна Аркадьевна родила четырех дочерей. Так бывает, когда супруги очень хотят сына и до последнего не теряют надежду. Со своим горячо любимым мужем Львом Константиновичем Аня познакомилась дома. Лев учился в ЛГУ вместе с ее братом Алексеем, и в одно прекрасное морозное утро

пришел к ним домой за конспектами товарища. Дверь открыла еще совсем юная Анечка. На пороге стоял высокий худощавый парень с большими серыми глазами.

– Ты кто? – спросил в лоб парень, внимательно разглядывая невысокую темноволосую девочку в ситцевом халатике.

– Сестра, – от неожиданности промямлила Анна.

– Красивая... – с восхищением прошептал незнакомец.

– Лев Виельгорский, – продолжил он, протянув ей холодную и шершавую от мороза руку.

– Анна... – ответила смущенно девушка, поглядывая на него из-под пушистых ресниц.

Лев снял мокрые от снега шапку и куртку, вручил ей вещи и решительно прошел в квартиру, слегка подвинув хозяйку.

– Если еще и такая же умная, как брат, то женюсь! – услышала Аня откуда-то из глубины квартиры.

– На ком это ты собрался жениться, старая обезьяна?! – ответил голос Аниного брата. Парни засмеялись и закрыли дверь в комнату, оставив ошарашенную Анну одну в темном и душном коридоре.

Лев не соврал и действительно через пять лет попросил у старшего брата Самуила руку и сердце его сестры Ани. Тетя Лена вздохнула с облегчением: все племянники закончили на отлично институт, получили достойные профессии, а красавица Анна даже замуж выходит. Старая женщина искренне считала, что успешно выполнила свою миссию перед богом и могла спокойно умирать: больше детям не будут страшны голод, война и детский дом. Если бы она знала, как жестоко ошибалась!

Свадьбу сыграли скромно и в семейном кругу. Самым красивым украшением торжества была сама невеста: миниатюрная, с тонкой талией, огромными синими глазами и аккуратными ямочками на щеках, Анечка была невероятно хороша!

– Порода! – восхищенно шептал ей на ушко жених, на что тетя Лена шикала и недовольно закатывала глаза.

В этой семье не принято было кичиться своими дворянскими корнями. Ведь тетя Лена, работающая скромным учителем русского языка и литературы, воспитывала самых что ни на есть деревенских родственников, чьи родители умерли от голода... И только изредка, когда семья собиралась вместе, а тетя Лена выпивала пару лишних рюмок домашней вишневой настойки, она доставала из тайника под кроватью небольшой сундучок, где хранились старые письма, фотографии элегантных людей, похожие на иностранные открытки, набор шахмат из слоновой кости, детскую погремушку в виде тюльпана и пару золотых монет. Дети бережно перебирали воспоминания о родителях, плакали и обещали друг другу, что что бы ни происходило в их жизни, они никогда не забудут, откуда они родом и где их корни. А когда им становилось особенно грустно, тетя Лена заваривала им чай «белые ночи», так они называли обычный кипяток, который были вынуждены порой пить из-за нехватки денег, и они начинали мечтать о том, что родители каким-то чудом остались живы, ведь их успели спасти бабушка с дедушкой, и в один прекрасный день они приедут за ними из Парижа, и все будет по-старому...

Анна Аркадьевна ни дня не пожалела, что вышла замуж за Льва Константиновича. Это был прекрасный тандем: высокий балагур и миниатюрная красавица. Стоило только Анечке взгрустнуть, как он тут же оборачивал все в шутку. Зимой он умудрялся найти для нее кулек карамелек или сетку мандаринов, а летом задаривал полевыми цветами. Лева приучил Аню в любой непонятной ситуации готовить форшмак по рецепту своей бабушки, а она его – пить чай «белые ночи» в лучших традициях тети Лены.

Их первая дочка Сонечка умерла от туберкулеза еще во время войны. Левушка ушел на фронт, успев вывезти семью в Новосибирск, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы спасти жизнь маленького человечка. Анна Аркадьевна до сих пор не поняла, как смогла подавить и пережить горе, охватившее ее, ибо нет ничего в мире страшнее, чем смерть ребенка на

руках матери. Война забрала не только Соню, но и обоих старших братьев Анны, Алексея и Самуила, и старенькую тетю Лену, у которой даже не было сил покинуть родной Петроград, город, который так никогда и не стал для нее Ленинградом.

Пройдет много грустных дней и бессонных ночей, но Анна Аркадьевна так и не поймет, как и почему в один прекрасный день люди договариваются с собственной совестью и начинают унижать равных себе, отбирать у слабых то, что им дорого, и совершенно безнаказанно убивать, стирать с лица земли и сжигать в пепел ни в чем не повинных людей... Она еще в детстве поняла, что не бывает плохих или хороших, все люди по своей природе одинаковые, просто под воздействием тех или иных факторов темная или светлая сторона начинает доминировать в человеке и вырываться наружу. Когда в их дом ворвались люди в грязных сапогах и забрали ее родителей, а Аню с братьями отправили в детский дом, победило темное. Когда их били в приюте и пытались унижить, тоже побеждало темное... Эти люди, не важно, кем они были – детьми или взрослыми – не смогли пройти испытание властью и, получив самое небольшое преимущество перед другими, начали с ожесточением разрушать то, что ими не было никогда создано. Но потом появилась тетя Лена, которая не смогла жить, зная, что родные по крови дети страдают, и спасла несчастных племянников. И в жизни Анны наступила счастливая светлая полоса: их маленькая, но уютная коммуналка, школа, институт, довольные старшие братья, Левушка, первый поцелуй, свадьба, рождение Сонечки... А потом война, и другие люди, которые, опьянев от власти и безнаказанности, с еще большим усердием убивали, издевались, уничтожали и стирали с лица земли не только равных по силе и мужеству, но и слабых стариков, беззащитных женщин и беспомощных детей...

Анна Аркадьевна выплакала все свои глаза, прежде чем они решились слевой еще на одного ребенка и родили Лизоньку, а потом сразу же еще на одного. А вдруг мальчик? Но на свет появилась девочка Белла. А потом они попробовали еще раз, но, родив четвертую дочь, поняли, что пора остановиться: видимо, на роду у Льва с Анной написано воспитывать прекрасных дам. Самую младшую дочь решили назвать Еленой – в честь покойной тети Лены. Когда-то давным-давно Анна Аркадьевна слышала, что, называя ребенка в честь какого-то родственника, мы даем ему частичку его судьбы. А так как судьбу тети Лены нельзя было назвать легкой, то, может, именно поэтому жизнь ее самой младшей дочери сложилась весьма непросто.

Лиза, Белла и Лена росли умными и прекрасными девочками. Анна Аркадьевна и Лев Константинович с самого начала договорились, что Анна работать не будет и посвятит себя воспитанию детей. Все три дочери на «отлично» закончили школу. Льва Константиновича отправили по распределению на периферию – поднимать уровень образования в регионах, а заодно и отсидеться, пока его «нестандартная» фамилия перестанет мозолить глаза особо заинтересованным лицам. А так как про Льва Константиновича говорили: хороший мужик, хоть и еврей, он решил не сопротивляться. Тем более, что предложенная должность заведующего кафедрой приборостроения была более чем привлекательной. Лиза с Беллой, последовав примеру отца, поступили в авиационный институт, познакомились там с прекрасными парнями и благополучно вышли за них замуж.

Чего нельзя было сказать про Лену – ее судьба сложилась иначе. Как и сестры, она пошла по стопам отца, решив освоить востребованную в то время профессию инженера. Но сразу же на первом курсе вся ее привычная жизнь перевернулась – Лена влюбилась. Да не просто в кого-то, а в сына директора завода и первого парня на курсе. Любовь была взаимная, но сложность состояла в том, что парня звали Салават, и был он из очень состоятельной и очень консервативной мусульманской семьи. Увидев на дне рождения своего единственного сына маленькую большеглазую еврейку, отец парня схватился за сердце, а мать с невероятным усердием начала знакомить наследника с подходящими по статусу и религии невестами. Все эти попытки не давали никаких плодов, так как на потенциальных невест Салават не обращал никакого вни-

мания, родителей называл антисемитами, а все свое свободное время проводил с любимой Леночкой.

Видя, что катастрофа неминуема, семья Салавата решила действовать самым что ни на есть радикальным образом – переехать в другой город. Обив все пороги исполкома, отец добился перевода в столицу. Салават был в гневе, хотел экстренно жениться, но после долгих уговоров согласился, что сначала нужно закончить институт, устроиться на хорошую и перспективную работу, а уже потом думать про свадьбу. Да и Леночка, если действительно любит, то дождется. К тому же папа пообещал, что после того, как они обустроятся на новом месте, он узнает, что можно сделать, чтобы Лену перевели в новый вуз Салавата. Влюбленные горевали, клялись друг другу в вечной любви и, проведя последнюю ночь на даче у одноклассника, со слезами на глазах попрощались до скорой встречи. Которой так и не произошло...

Как и предполагали родители Салавата, жизнь в столице закружила и поглотила парня с головой. Кинотеатры, музеи, парки, новые одноклассники и море красивых и модных девчонок. Первое время он писал Лене каждый день, потом раз в неделю, а потом и вовсе перестал... И, может быть, Леночка и пережила бы разлуку, да вот только через три месяца у нее появился животик... Как уж так получилось, что, имея двух старших сестер и неработающую маму, Лена оказалась абсолютно необразованной в интимных делах, никто толком объяснить не мог. Животик заметила Анна Аркадьевна, задала пару уточняющих вопросов, и, сводив Лену к гинекологу, подтвердила свои опасения. Заливаясь слезами, юная мама написала письмо герою своего романа, но ответа так и не получила. А поскольку последнее письмо Салават ей писал месяц назад, Леночка пришла к выводу, что возлюбленный про нее забыл и наотрез отказалась отправлять телеграмму ему или его родителям.

На семейном совете решили, что стоит рожать, и Анна Аркадьевна с энтузиазмом начала готовиться к появлению внука или внучки. Чего нельзя было сказать про Лену. Девушка просто увядала на глазах. Видя страдания младшей дочери, Лев Константинович порывался несколько раз дозвониться до несостоявшегося свата, но Леночка тут же впадала в истерику и заклинала его этого не делать. Обстановка в доме была хуже некуда. По состоянию здоровья Лена оформила в институте академический отпуск и практически перестала выходить из дома. На все уговоры родителей радоваться счастью, которое у нее скоро появится на свет, Лена лишь отмахивалась и начинала рыдать. А потом у Льва Константиновича случился инфаркт... Леночка, которая души не чаяла в своем папе, решила, что причина смерти отца в ней и ее беременности. Она окончательно замкнулась в себе, перестав совсем откровенничать с мамой и сестрами. Родив девочку, Лена равнодушно попросила Анну Аркадьевну придумать ей имя и безапелляционно вернулась в институт. Так Анна Аркадьевна стала матерью, отцом, бабушкой и дедушкой для маленькой Таи...

На следующее утро Анне Аркадьевне совсем не хотелось сталкиваться с дочерью, поэтому она дождалась, когда та уйдет на завод, и только после этого вышла из комнаты, чтобы приготовить завтрак внучке. Тайка спала без задних ног, так что времени у нее было предостаточно, чтобы сварить рисовую кашу, пожарить пару гренок из вчерашнего батона, а потом с чистой совестью неторопливо попить кофе. Кофе Анну Аркадьевну научила пить средняя дочь Белла – самая деловая и предприимчивая... О, эта далеко пойдет, подумала Анна Аркадьевна с улыбкой и теплотой, представив статную красавицу с орлиным носом и волевым подбородком. Белла была такая же бойкая, как и ее отец, но при этом не рубила с плеча, благодаря какому-то врожденному инстинкту знала, с кем нужно дружить, кого стоит держать на расстоянии, а за кого стоит выходить замуж. Белла пила черный кофе и курила сигареты. Сигареты Анна Аркадьевна не уважала, а вот кофе полюбила страстно. Это был их с Таей утренний ритуал – рисовая каша для внучки, черный кофе с гренками для бабушки и абсолютная тишина.

Анна Аркадьевна уже и не помнила, в какой момент полюбила тишину. Когда еще Левушка был жив, они очень любили сидеть плечо к плечу и наслаждаться тишиной. Это при-

шло не сразу, ведь первое время, когда чувства обуревают влюбленность, пары чирикают без устали и немного боятся тишины. И только когда к ним приходит настоящая любовь, после первых проступков, предательств, боли, обиды и разочарований, когда все испытания пройдены вместе, а чувство уважения друг к другу по-прежнему сильно, как при первой встрече, только тогда по-настоящему близкие люди начинают понимать, что иногда можно и помолчать. Ведь в этом тоже есть своя прелесть...

Удивительно, как сложилась ее жизнь... Сколько всего в ней было: революция, потеря родителей, детский дом, коммуналка, замужество, война, гибель братьев и дочери, смерть Левы... Где-то она ошибалась, где-то поступала мудро, старалась изо всех сил быть хорошей женой и матерью: помнила каждый порез, каждую ранку, первое слово и первый зубик, садик, школу, институт... И что теперь? Она старая и больная женщина, которой даже и помолчать не с кем, кроме Таи... Да и та вырастет и выпорхнет из гнездышка, как Белла с Лизой, и забудет про свою бабу... Анна Аркадьевна усмехнулась. А что ей остается? Только жить и молиться, чтобы сил хватило погулять на Таюшиной свадьбе. Не может она ее вот так бросить... Прошло всего семь лет со смерти ее горячо любимого мужа, но каждый этот год Анна Аркадьевна проживала, как за десять, ведь самая младшая дочь, ее кровиночка, стала ей абсолютно чужим человеком. Что они слевой сделали не так, где упустили момент? Неужели надо было вмешаться и не дать ей влюбиться по уши?! Да уж кто тогда знал, что будет «по уши», да и разве можно повлиять на чувства подростка. И не было бы сейчас Таи... Разве такое возможно? Как бы они сейчас жили без этого ангелочка, без этой любознательной птички?! Маленькая егоза! Анна Аркадьевна с любовью посмотрела на сидящую напротив сонную внучку. Худенькая, белобрысая и голубоглазая – копия ее отец. И Леночка ее тоже любит, просто делает вид, что ей все равно. Ведь когда ты холодная, люди, чувствуя твою власть и силу, начинают тебя бояться и не лезут с ненужными вопросами, а отвечать на вопросы Елена явно не хотела.

– Бабуль, а какой у нас план?

Страсть к планированию у Таи была с раннего детства. Ей всегда нужно было четко понимать, как будет построен ее день. А с тех пор, как Тая научилась писать, она регулярно аккуратно заполняла расписание на неделю и вешала его над своим письменным столом, чем ужасно забавляла свою тетю Беллу. Та заливисто хохотала и утверждала, что тетин ген крепко сидит в племяннице, ведь кто-кто, а Белла Львовна была самым знатным мастером планирования.

– Какой план, – повторила задумчиво бабушка. – Сначала мы пойдем в магазин, зайдем очередь за сахаром и маслом... И за водкой...

– За водкой??? Бабуль, зачем тебе опять водка??? – поперхнулась чаем Тая.

– Таюша, водка – эта главная валюта Советского Союза! – засмеялась Анна Аркадьевна. – К счастью, мы ее с мамой не пьем, а талончики на водку получаем исправно. Ты же слышишь, как бачок в туалете подтекает, нужно слесаря Вовку звать, а он, сама знаешь, без бутылки ничего делать не будет. Вот поменяем талончики на водку и починим с тобой унитаз.

– Уууу! Ненавижу очереди! – простонала Тая. В прошлый раз они простояли в очереди за спичками и мылом целых два часа.

– А что делать? Кашу без масла и сахара никто не любит. Ну ничего, мы с тобой быстро управимся. А потом в парке погуляем, хорошо?

– Бабуль, а зачем вообще нужны эти талоны? Почему нельзя просто прийти в магазин и взять, что тебе нужно? Вот мне тетя Белла рассказывала, что в других странах есть большие магазины, и там много всего, и все можно купить, даже жвачку и шоколадки. Хоть по сто штук!

– Потому что мы живем с тобой в Советском Союзе, где думать и спрашивать вредно для здоровья, – грустно ответила Анна Аркадьевна.

– Почему вредно? – удивилась Тая.

– Ой, я пошутила, – засмеялась бабушка. – Беллочка бы убила меня за антисоветчину. Удивительно, что она тебе про магазины иностранные рассказала!

– Ничего не поняла.

– Вырастешь, поймешь! Давай одеваться.

– Вот, всегда вы так, взрослые! На все щекотливые темы вы отвечаете одинаково – вырастешь, поймешь. А может я хочу сейчас понять? Ну, бабуль, объясни! – взмолилась Тая.

– Одевайся! – безапелляционно оборвала Анна Аркадьевна и принялась мыть посуду.

Закончив домашние дела, Анна Аркадьевна с Таей неторопливо собрались и вышли в магазин. С детства покойная тетя Лена приучила Аню всегда и везде выглядеть опрятно и элегантно: обязательно глаженные вещи, непременно белоснежный воротничок у блузки, аккуратно уложенные волосы и небольшая сумка в тон туфель. И если опрятность человека всецело зависела от его гигиены и привычек, то с элегантностью в Советском Союзе дела обстояли гораздо хуже. Пока Левушка был жив, он из каждой поездки в столицу привозил своим дамам туфли, пальто, броши, духи и даже чулки. Брал все подряд, стараясь увезти на себе как можно больше. Дома Анна Аркадьевна вместе с дочками разбирали заветный улов из Югославии и Польши и, если было нужно, ушивали, перешивали и доводили до ума привезенные наряды. Благо швейной машинкой умели пользоваться все, включая и Льва Константиновича. После его смерти ситуация с элегантностью усложнилась. Старшая дочь Лизавета, хоть и вышла замуж за москвича, эксклюзивный доступ к дефицитным товарам не имела. Но однажды, отстояв километровую очередь за мохером из ГДР, обеспечила всю семью роскошными пушистыми свитерами – пряжу отправили посылкой старенькой Анне Аркадьевне, и та искусно справилась с поставленной задачей.

Бабушка Таи ошиблась, пообещав внучке, что они быстро пройдут очередь. Длинная колбаса из людей тянулась на весь магазин и очень-очень медленно уменьшалась. Тая стояла понуро, не упуская из вида бабулю, которая двигалась в параллельном потоке. Они всегда так делали – Тая в самую длинную очередь, чаще всего это была очередь за водкой, а бабушка в другую, покороче, – чтобы хоть как-то сэкономить время. Когда Анна Аркадьевна получала продукты в своей очереди, она присоединялась к очереди внучки. Больше всего на свете Тая боялась этих очередей, и того, что ее очередь подойдет раньше бабушкиной, и ей придется что-то объяснять уставшей и злой продавщице и попытаться не потерять бабушкино место, ведь разъяренная толпа ни за что не будет ждать. В магазинах вообще все были злые... И очень грустные.

Когда Анна Аркадьевна закончила с покупками, время уже было хорошо к обеду.

– Знаешь, Тай, а давай мы с тобой пойдем сейчас на обед к бабе Любе?

– Урааа! – обрадовалась внучка.

Тая обожала ходить в гости к бабе Любе. Во-первых, бабуля там была всегда веселая. Во-вторых, в серванте у бабы Любы была шикарная коллекция фарфоровых фигурок, с которыми Тае разрешали аккуратно играть, а в-третьих и в самых главных, баба Люба пекла самые вкусные на свете пироги и заваривала чай в большом чайнике, на который надевала яркую курицу из лоскутков. «Чтобы чай хорошо настоялся!» – приговаривала баба Люба. Тая очень любила пить куриный чай. И пироги. И бабу Любу. И особенно свою бабу.

Анна Аркадьевна с Таей прошли через рыночек, купили небольшой букетик цветов для бабушкиной закадычной подруги и неспешно направились в гости. Мама всегда ворчала, когда бабушка покупала цветы, но Анна Аркадьевна ничего не могла поделать со своей слабостью. Цветы напоминали ей о муже, ассоциировались с радостью и немного беспечностью. «Вот постелешь на стол красивую скатерть, достанешь фужеры из хрусталя, поставишь в центр стола вазу с цветами – и сразу самый обычный день заиграет новыми красками!» – приговаривала Анна Аркадьевна.

Когда бабушка с внучкой вернулись из гостей, дома их ждал сюрприз.

– Мама, Тая, знакомьтесь, это – Борис Сергеевич, – коротко сказала Лена, указав на усатого мужчину в клетчатой рубашке.

Борис Сергеевич поднялся навстречу, пожал руку Анне Аркадьевне и пристально посмотрел на Таю. Тая, в свою очередь, не сводила с него больших и испуганных глаз.

Дело в том, что в жизни Таи никогда не было никаких мужчин. Ее окружение состояло из одних женщин. Дедушка умер до рождения Таи, папы у Таи не было, а все вопросы про него всегда оставались без ответа. Муж бабы Любы, с которой они часто виделись, тоже давно уже умер. Были еще, конечно, мужья у тети Лизы и тети Беллы, но поскольку Лиза жила в Москве, а Белла – в Ленинграде, они почти никогда не виделись, так как если Лиза с Беллой и прилетали в гости, то преимущественно одни. Вот и получалось, что жизнь Таи была очень женская по своей природе и напрочь лишена мужской энергии.

Борис Сергеевич сел на диван, мама рядом.

– Леночка, а что ж ты гостя чаем не угощаешь? – поинтересовалась Анна Аркадьевна.

– Спасибо, я не голоден, – ответил мужчина. Было видно, что он ужасно стесняется и немного побаивается пожилой женщины.

– Так я же вас не на ужин приглашаю, – усмехнулась Анна Аркадьевна. – Пойду поставлю чайник. Таюш, поможешь мне накрыть на стол?

Бабушка ушла, а Тая неловко замешкалась и так и осталась стоять посередине комнаты.

– Сколько тебе лет? – зачем-то спросил ее усатый.

– Шесть, почти семь. Через пять дней, – уточнила Тая.

– Ммм, славно. Вот и отметим на турбазе. – Ухмыльнулся мужчина.

– Турбазе? – не поняла Тая.

– Да, на заводской турбазе отдыха «Березка», – объяснила мама. – Мы с Борисом Сергеевичем вместе работаем на заводе, и поэтому на следующей неделе уезжаем на турбазу. Ты едешь с нами.

Тая молчала. Мама и Борис Сергеевич тоже. К горлу подступал комок, а в глазах отчего-то появился песок. Тая переминалась с ноги на ногу и не знала, что делать дальше. Расспрашивать про турбазу почему-то не хотелось. В комнате пахло чем-то новым и непривычным. «Видимо, так пахнет Борис Сергеевич», – подумала Тая.

– Тая, – раздался спасительный голос из-за спины.

– Аккуратно принеси из кухни вазочки с карамельками и вареньем, – сказала Анна Аркадьевна, входя в кухню с подносом, на котором стоял чайник чая и чашки с блюдами.

– Ой, ну что вы так. Мне можно и по-простому – в стакан, – засуетился мужчина и подскочил с дивана.

– Знаете, Борис Сергеевич, меня так воспитывали, что если ты рад гостю, то всегда ему наливаешь чай в маленькие чашечки, чтобы неспешно за беседами распивать горячий чай, непрерывно его доливая. А если ты хочешь от гостя побыстрее избавиться, то ты нальешь ему большой бокал, чтобы он выпил его залпом и ушел.

Было видно, что Борис Сергеевич не знал, что на это ответить, поэтому просто крикнул и уселся за стол.

– Мы как раз говорили Тае, что на следующей неделе уезжаем на турбазу от завода, – сказал он, чтобы заполнить паузу.

Лена села рядом и с вызовом посмотрела на маму.

– А вы, по всей видимости, коллеги? – уточнила Анна Аркадьевна.

Борис Сергеевич кивнул.

– Турбаза? Какая прелесть! – улыбнулась пожилая женщина. – А Леночка нам ничего не говорила.

– Еще не успела, – процедила Лена.

Тая почувствовала нарастающее напряжение за столом, отчего ей сделалось очень плохо.

– Можно гулять? – неожиданно выпалила девочка, и, не дожидаясь ответа, стремительно выбежала на улицу.

Забившись за гараж, она начала плакать, сначала тихо, а потом все громче и громче. Слезы застилали глаза, а ребра больно сжимали грудь. Тая плакала, потому что ей было неприятно, что какой-то усатый мужчина сидел на их диване, а комната из-за чужого запаха перестала казаться родной. Она плакала от обиды за себя и бабушку, за то липкое чувство, которое ей подсказывало, что что-то не так и что не должен усатый Борис Сергеевич приходить к ним в гости. Плакала, потому что ужасно не хотела ехать на какую-то турбазу с этим огромным мужчиной в клетчатой рубашке... Ей было очень плохо и страшно, а когда тебе почти семь, ты всегда плачешь, когда тебе страшно...

– Ты чего? – раздалось откуда-то сверху.

Тая подняла голову. С высоты в пару метров на нее смотрело лицо Гришки. Мальчик лежал на гараже и, слегка свесившись вниз, наблюдал за девочкой.

– Ничего... – буркнула Тая.

– Залезай ко мне, – предложил Гришка, – я тебе кое-что покажу.

Тая вытерла слезы и нехотя подошла к забору, который примыкал к гаражу. Чтобы попасть на гараж, нужно было сначала залезть на забор, а уже с него – на крышу.

– Ну, жалуйся, – сказал очень серьезно Гришка, когда Тая легла на гараж рядом с ним.

– Ты же мне что-то показать хотел?! – вспыхнула Тая.

– Это был отвлекающий маневр – гордо ответил мальчик. – Моя мама так всегда делает, когда братишка плачет. Главное – отвлечь, и ребенок сразу успокоится. А ты так сильно плакала, что мне стало тебя жалко.

Тая молчала. Ей почему-то опять захотелось плакать.

– Ну, ты чего?

– Ничего... – промычала Тая уже мягче. – Ты зачем меня жидовкой назвал?

Гришка погрузнел.

– Ты меня прости, пожалуйста, – произнес он тихо, посмотрев на зеленый лоб Таи. – Я не знаю, что на меня нашло, когда я тебя обозвал и камнем кинул.

И еще тише продолжил:

– Это все потому, что я тебя люблю...

Тая удивленно подняла на мальчика глаза.

– Любишь?

– Ну да... Я видел, что у тебя кровь пошла, и мне стало стыдно. Я вечером все маме с папой рассказал. И поделился, что люблю тебя. Ну, и папа объяснил, что это – гормоны. И посоветовал перед тобой извиниться...

– Гормоны? – перебила его Тая.

– Ну это, когда ты еще юн, но уже влюблен, – серьезно ответил Гриша и добавил:

– Я тебя больше не обижу, честно. Будешь моим другом?

– Буду, – сама себе удивившись, ответила она, посмотрев в его карие глаза.

Гришка кивнул и перевернулся на спину. Тая тоже перевернулась и закрыла глаза. Солнце уже стремилось к закату, но воздух был все еще теплый, а железная крыша гаража, нагревшись за день, приятно согревала спину. Больше они ни о чем не говорили, ведь только по-настоящему близкие люди понимают, что иногда можно и помолчать... Ведь в этом тоже есть своя прелесть...

Глава 2

Как и пообещал Борис Сергеевич, ровно через пять дней они вместе с мамой и Таем уехали на турбазу, оставив Анну Аркадьевну в городе.

Турбаза «Березка» была типичным туристическим комплексом того времени: небольшие деревянные домики без каких-либо удобств, общественная столовая и дом культуры, где по вечерам показывали концерты или устраивали танцы. Баня была по выходным дням, а общественные туалеты и умывальники находились позади жилых домиков. Горячей воды в них не было.

Тая с мамой поселились в одном домике, а Борис Сергеевич по соседству. Накануне отъезда Лена сходила в парикмахерскую и сделала невероятно модную прическу – «химку», и теперь ее и без того волнистые черные волосы были похожи на тысячу пружинок. Каждое утро она их укладывала в элегантные прически, а Тая тихонечко лежала на кровати и любовалась своей красивой мамой. Ей безумно хотелось иметь такие же густые волосы, носить, как мама, джинсы и даже такие же клетчатые рубашки, очень похожие на те, что носит Борис Сергеевич.

Лето было прохладным, но, чтобы хоть как-то разнообразить досуг, мама с Таем все равно ходили на пляж. Они практически не разговаривали. Мама стелила коврик, доставала книжку, надевала огромную шляпу и ложилась читать. Тая неподалеку строила домики из камня и песка и ходила по дну речки руками – плавать ее так никто и не научил.

Однажды, когда она барахталась на берегу, к ней подошел Борис Сергеевич. Сперва Тая увидела огромные пальцы ног с широкими жёлтыми ногтями. А подняв голову вверх – волосатые ноги, такой же волосатый живот и красные плавки, из-под которых торчало мужское достоинство Бориса Сергеевича.

– Плаваешь? – усмехнулся он и, закрыв руками лицо, заслонил его от солнца.

Проследив взглядом за рукой Бориса Сергеевича, Тая не могла не заметить его волосатые подмышки. Здесь волосы были уже не такие кудрявые, как на ногах и животе, и они неряшливо торчали в разные стороны. Она никогда до этого не видела практически голого мужчину, и та картина, которая ей предстала, вызвала в девочке ужас. «Он похож на медведя!» – с отвращением подумала Тая. Чувствуя, что ее сейчас вырвет, девочка пулей вылетела из воды и побежала к маме.

– Замерзла? – спросила Лена сонным голосом.

– Да, – пискнула Тая и, завернувшись в полотенце, легла рядом с мамой. Омерзительные волосатые подмышки Бориса Сергеевича по-прежнему стояли перед глазами. Тая попыталась отвлечься и подумать о чем-то приятном, как вдруг увидела, что «медведь» в красных плавках идет в их с мамой сторону.

– Лен, а что она у тебя такая дикая? – услышала через минуту Тая голос Бориса Сергеевича.

Она, хоть и зажмурила глаза, делая вид, что спит, но все равно почувствовала, что мама нахмурилась.

– Дикая? – переспросила женщина.

– Ну да, я думал, вы это – из благородных, – усмехнулся мужчина. – А она обычная невоспитанная девка. Учти, я нянчусь ни с кем не собираюсь, – закончил он фразу уже серьезным голосом.

Тая притихла, ожидая, что мама сейчас ее защитит и расскажет волосатому Борису Сергеевичу, какая она воспитанная.

– Больше такого не повторится, – к ее удивлению, ответила мама, поднявшись на ноги. – Пойдем, пройдемся, – предложила она Борису Сергеевичу.

Тая слышала, как удаляются шаги мамы и ужасного Бориса Сергеевича, но все еще не решалась открыть глаза. В них опять попал песок, и ей отчаянно хотелось плакать. А еще безумно хотелось домой к бабуле и больше никогда в жизни не видеть волосатые ноги Бориса Сергеевича!

Когда мама вернулась, Тая все еще лежала на коврикe.

– Тая, мне надо с тобой поговорить...

– О чем? – настороженно спросила девочка.

– О Борисе Сергеевиче.

Тая почувствовала, как к горлу подступил комок.

– Борис Сергеевич – мой друг, и для меня очень важно, чтобы ты ему нравилась. Понимаешь? Когда мы вернемся домой, он будет жить с нами, со мной. И мне бы очень не хотелось, чтобы из-за твоего поведения он передумал.

Мамины слова вылетали, как пули: быстро, коротко, жестко, каждый раз попадая прямо в Таино сердце. Тая любила свою маму так же сильно, как и боялась. Мама для нее всегда была, как Снежная королева – холодная, немногословная и очень красивая. У них не было принято обниматься, читать перед сном сказки, но это все было принято с бабулей, поэтому Тая и не ждала этого от мамы, получая каждодневную любовь и заботу от бабушки. Но все-таки мама занимала огромное место в ее сердце: мама, которая знала ответы на любые вопросы, мама, которую боялись все соседи, мама, которая красила ресницы из изящного черного тюбика с золотой розой и которая всегда, несмотря на погоду и обстоятельства, носила каблуки.

Практически каждое воскресенье, если у мамы не было дел, она устраивала генеральную уборку: мыла полы, стирала и кипятила белье, пылесосила ковры и непременно пекла шарлотку к чаю. Бабушка в это время уходила на рынок купить им на неделю картошки, моркови, немного арахиса, кураги и яблок. Тая любила такие воскресенья: еще сонная, она, закутавшись в одеяло, приходила в зал, включала телевизор и тихонечко лежала комочком в кресле под шум маминой уборки. Никто ни с кем не разговаривал, но каждый из них знал, что он не один. После уборки они пили чай и смотрели телевизор. В их доме не у всех был цветной телевизор, и Тая очень гордилась тем, что могла рассказать ребятам со двора какие-то интересные факты из жизни кино или, например, какого цвета было платье у Аллы Пугачевой на концерте. Тая любила свой мир, любила свою семью – маму и бабушку, и совсем не понимала, зачем в ее жизни должен был появиться Борис Сергеевич.

Чтобы не огорчать маму, Тая, сжав все свое маленькое мужество в кулак, выдавила из себя улыбку и кротко ответила: «Я обязательно понравлюсь Борису Сергеевичу».

Удивительно, но после случая на пляже уса́тый Борис Сергеевич больше не предпринимал никаких попыток заговорить с Таей. Не предпринимала их и Тая. И что самое удивительное, и Лена ничего не делала, чтобы подружить дочь со своим новым другом.

Жизнь на турбазе была очень размеренной и однообразной: утром завтрак в столовой, затем пляж, после пляжа обед, после обеда мама обычно уходила гулять с Борисом Сергеевичем, оставляя Таю играть с местными ребятами, а вечером ужин и кино. Кино показывали не на большом экране, как в кинотеатре, а на самом обычном телевизоре, почти как у Таи дома. У человека-телевизора, так Тая прозвала про себя мужчину, отвечающего за кинодосуг, был видеомagneтофон и кассеты с разными фильмами: в основном с боевиками и ужасами. Перевод фильмов оставлял, конечно, желать лучшего, но люди, не обращая внимание на гнусавый и абсолютно монотонный голос переводчика, с жадностью впитывали увиденное и услышанное на синем экране, сидя плотными рядами на стульчиках в душном и темном зале.

Обычно мама не брала Таю с собой, считая, что маленьким девочкам совершенно нет необходимости смотреть иностранные фильмы, но Тая так жалобно уговаривала взять ее хоть раз в импровизированный кинотеатр, что Лена в итоге сдалась и разрешила дочери пойти вместе с ней. В тот вечер, как назло, показывали фильм ужасов «Серебряная пуля» по роману

Стивена Кинга. Фильм рассказывал про жизнь маленького американского городка, охваченного чередой странных убийств. И только главный герой – тринадцатилетний мальчик, прикованный к инвалидной коляске, знал, что убийца – самый настоящий оборотень, и вместе с сестренкой и дядей пытался вычислить и застрелить серебряной пулей убийцу-оборотня. То ли от того, что главные герои были детьми, то ли от того, что Таина психика была еще недостаточно крепкая для такого рода фильмов, то ли просто ужин в местной столовой был несвежий, но в какой-то момент Тая почувствовала, как к ее горлу подступает тошнота, а в следующую секунду ее вырвало прямо на сидящую перед ней женщину. Тая заплакала и кинулась к опешившей маме, как в этот же момент ее вырвало еще раз – прямо на маму. Мама отпрянула, а Таю продолжало рвать.

– Ты что, с ума сошла! – зашипела на нее мать. – Извините нас, пожалуйста, – сказала она ошарашенным вокруг них людям. – Быстро за мной.

И, крепко схватив рыдающую девочку, женщина двинулась к выходу. Последнее, что видела Тая – это ухмыляющееся лицо Бориса Сергеевича.

– Да что с тобой? Не можешь потерпеть до туалета? – затрясла она дочь на улице.

Тая ничего не отвечала и лишь плакала. Рвота по-прежнему не прекращалась. Она видела, как мама морщит нос от запаха рвоты и ее грязной одежды. Было видно, что она брезгует.

– Тая, прекрати уже! Иди быстро в туалет и умойся!

Женщина была в бешенстве.

– Мам, я боюсь. Там темно...

– Я сейчас тебя изобью в кровь, если ты немедленно не пойдешь и не смоешь все это дерьмо, – зашипела на нее мама, больно стиснув девочке локоть.

Тая вздрогнула и съежилась от боли.

– Мамочка, ну пожалуйста! А вдруг там оборотень?

– Чтоооо? – взревела женщина и залепила ей со всей силы пощечину. – Только попробуй еще хоть раз попроситься у меня в кино. Только посмей. На хрен мне вот это все нужно? Облевала весь зал, меня, себя... Думаешь мне больше заняться нечем, чем блевотину твою мыть????

– Мамочка, ну прости меня... – умоляла Тая сквозь слезы.

– Пошла вон пока я тебя еще раз не ударила!

Тая в ужасе смотрела на перекошенное от злости лицо женщины, которая была ее родной матерью.

– Таисия, бегом! – процедила мама сквозь зубы и, круто развернувшись на каблуках, зашагала в сторону кинозала. Тая слышала, как она продолжала чертыхаться.

Дрожа от страха и не переставая плакать, Тая поплелась в конец аллеи в общественный туалет. Открыв кран с ледяной водой, она неловкими движениями попыталась себя умыть. Но в конце концов намочив весь сарафан, она сняла его полностью и оставшись в одних трусиках, начала его полоскать под краном, смывая с него остатки непереваренной пищи. Тая жмурилась изо всех сил, боясь посмотреть по сторонам. Ей казалось, что прямо из-за кустов на нее выскочит огромный оборотень и разорвет ее на части. Кое-как закончив с сарафаном, прямо как была – в одних трусиках – Тая пулей побежала к ним в домик. Дверь была открыта, но мамы в комнате не было. Тая повесила все еще неприятно пахнущий сарафан на спинку кровати, накрылась с головой одеялом и, дрожа от холода и страха, горько заплакала. На этот раз от обиды... На следующий день мама с Таей уехали с турбазы.

Когда Борис Сергеевич появился в их доме, Таина жизнь изменилась кардинальным образом... Кресло, на котором так любила лежать Тая, теперь всегда было занято Борисом Сергеевичем. На полочке в ванной комнате рядом с изящным черным тюбиком маминой туши для ресниц появился одеколон «Шипр», бритвенный станок и маленькая расческа, которой

Борис Сергеевич причесывал свои усы. По воскресеньям теперь Таю отправляли с бабушкой на рынок, в то время как Борис Сергеевич пил дома чай с маминой шарлоткой. И телевизор... Теперь он был у Таи и Анны Аркадьевны по расписанию: с появлением в их доме Бориса Сергеевича ни Тая, ни бабушка не могли больше похвастаться знанием, какого цвета было платье у Аллы Пугачевой, потому что как только они приходили в зал смотреть телевизор, Борису Сергеевичу становилось душно, и у него начинала болеть голова. Мама сразу хмурилась и просила их уйти в комнату почитать.

В остальном их жизнь осталась прежней: они по-прежнему стояли в параллельных очередях, ходили в домоуправление получать новые талоны, гуляли в парке с лебедями, регулярно пили «куриный чай» с пирогами у бабы Любы и очень много читали. А если Тая допоздна бегала с ребятами во дворе, мама, как и раньше, выходила за ней на улицу с ремнем и загоняла дочку домой. От таких воспитательных мер голова Бориса Сергеевича почему-то не болела.

Как-то раз, когда Тая гуляла одна во дворе, к ней подошел Гришка.

– Пойдем ко мне в гости? – предложил он. – Я тебе один секрет покажу.

– Какой? – Тае стало жутко любопытно.

– Поклянись, что никому не расскажешь.

– Клянусь, – прошептала Тая.

Сгорая от любопытства, Тая последовала в соседний подъезд за Гришкой. Гриша жил с мамой, папой и младшим братишкой в большой квартире. Больше, чем была у Таи. У него была своя комната и просторный зал с кожаным диваном. Тая никогда не видела такого дивана. Пока Гришка не заметил, она тихонечко понюхала и лизнула обивку. Кожа была мягкая, слегла соленая и пахла чем-то очень дорогим. На стенах у них висели красивые картины, а в центре комнаты стоял большой стол на шесть персон. «Это когда к нам бабушка с дедушкой приходят, мы здесь кушаем», – объяснил ей мальчик. А еще у Гришки был иностранный телевизор Fisher и видеомаягнитофон с кассетами. Ему не нужно было ждать «В гостях у сказки», чтобы посмотреть мультфильмы – все мультики были в его доступе двадцать четыре часа в сутки. Озираясь по сторонам, Тая почувствовала, что на ней грязные шорты и мальчиговая футболка с мотоциклами от двоюродного брата. Ей неожиданно стало неловко и неудобно, а в глаза опять попал песок.

– Может я пойду? – робко спросила она.

– Куда??? – возмутился мальчик и потащил ее в родительскую спальню. Там он взобрался на стул и достал откуда-то с верхней антресоли небольшой журнал.

– Смотри! – восхищенно сказал он, протягивая его Тае.

Тая отпрянула, увидев, что было на картинках. Прямо со страниц журнала на нее смотрели абсолютно голые мужчины и женщины. Их было много, и все они были разные: кто-то был такой же, как Борис Сергеевич, – волосатый с головы до ног и похожий на медведя, у кого-то тело было абсолютно без волос, прямо как у Таи. Женщины все были с открытыми красными ртами и большой грудью, больше, чем у ее мамы. И у всех, вообще у всех мужчин из журнала между ног торчали огромные волосатые пиписки, из которых, на некоторых картинках, вытекало что-то очень похожее на кефир прямо на лица женщин... Тая почувствовала, что ее сейчас вырвет.

В ванной комнате, куда она кое-как успела добежать, Таю вывернуло практически наизнанку. Умывшись и прополоскав рот, она вышла к перепуганному Гришке.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Что это? Что они все делают? – в ужасе спросила девочка.

– Что-что! Занимаются сексом, – со знанием дела ответил Гриша.

– Зачем? – непонимающе удивилась Тая.

– Откуда я знаю зачем! – возмутился мальчик. – Все взрослые это делают.

– И твои мама с папой? – уточнила Тая.

– Неее, ты что, – замотал головой Гришка. – Мои нет. Мои же нормальные.

– А мы? Мы будем так делать?

– Не знаю, – задумался он.

– Гриш, пожалуйста, давай поклянемся, что мы никогда этого делать не будем. Это так мерзко.

В глазах Таи стояли слезы.

– Давай, – пообещал ей мальчик. – Клянусь, что никогда не буду заниматься сексом! – прошептал он.

– Клянусь, что никогда не буду заниматься сексом, – повторила за ним шепотом Тая.

– Я думал, ты удивишься.

– Дурак! – вырвалось у девочки. – Они все гадкие и голые!

– Тай, ну ты же вырастешь и тоже будешь такой же... с грудью! – захихикал Гриша.

– А вот и не буду! – замотала она головой в ответ. – Я буду как мама!

Они все еще стояли напротив платяного шкафа с зеркалом в спальне родителей мальчика.

– Ты будешь лучше, – тихо сказал он.

Из отражения в зеркале на них смотрели рослый мальчик с густой копной темных волос и белобрысая девочка, которая едва доставала до плеча мальчика. В широких плечах и узких бедрах мальчика улавливалась фигура атлетичного и сильного юноши. По девочке же, наоборот, было видно, что она будет не больше метра шестидесяти. Острые коленки, узкие лодыжки и выпирающие ключицы говорили о том, что, скорее всего, девочка не склонна к полноте и так и останется худенькой, когда вырастет.

– А ты знаешь, что у тебя французские ножки?

– Какие? – не поняла Тая.

– Французские! Это когда у тебя три дырки. Соедини ноги, – попросил Гриша Таю.

Девочка послушно соединила ноги и встала прямо.

– Считай! Первая прямо между внутренней поверхностью бедер, вторая – под коленками, а третья – над щиколотками.

Тая засмеялась.

– И кто тебя этому научил?

– Мама! У нее тоже французские.

– Вы с мамой друзья? – спросила его Тая.

– Конечно! И с папой тоже. Только с мамой по-другому. С мамой мы всегда лежим вместе перед сном и загадываем желания. А еще с мамой можно смотреть кино для взрослых и секретничать. А с папой мы ездим на рыбалку, стрелять из лука, а еще мы с ним ходим на самбо.

– Самбо?

– Самбо – это боевое искусство для самозащиты, – с гордостью объяснил Гриша. – Чтобы уметь дать отпор противнику без оружия. У меня папа тоже самбо занимается. Он считает, что это очень хорошо развивает волевые качества.

Тая слушала как завороченная про Гришиных родителей, представляя, как они с папой упражняются в самбо, или идут счастливые на рыбалку, или лежат все вместе в кровати, обнявшись, и рассказывают друг другу, как прошел их день. На секунду Тае захотелось, чтобы Гришины папа и мама были и ее родителями тоже.

– А давай смотреть «Бэмби»! – предложил мальчик, увидев, что его подружка загрустила. – Ты еще такой не видела. Мне папа кассету привез совсем недавно.

– Бэмби? Кто это?

– Олененок. Такой же маленький и худенький, как ты, – засмеялся мальчик. – И с такими же грустными глазами... – добавил он, посмотрев ей в лицо.

Тая потупила взгляд и почувствовала, как приятное тепло растекается волнами по ее телу.

– Пойдем, – крикнул мальчик, убегая в гостиную комнату. – Я еще сейчас сушек возьму.

Тая последовала за ним, не веря своему счастью: она будет смотреть мультфильм в понедельник днем на огромном кожаном диване, который пахнет совсем как мамина дубленка! Гриша принес маленькие розовые сушки, которых Тая никогда не видела в магазине по талонам, и плюхнулся на диван к Тае. Светясь от счастья, девочка тихонечко подвинулась к нему поближе, чтобы чувствовать плечом руку такого родного Гришки...

– Тай, а можно я тебя чмокну?

– С ума сошел? – возмутилась она. – Журналов своих дурацких насмотрелся?

Гриша засмеялся и стремительно поцеловал Таю в щеку. Тая покраснела и смутилась. Ей было очень приятно почувствовать влажные губы друга на своей щеке.

Когда родители Гриши вернулись домой, дети спали, свернувшись калачиком, на диване. Таины белые, как лен, волосы растрепались, и смешались с темной шевелюрой их сына. Оба улыбались во сне, а рука мальчика слегка придерживала спину девочки, чтобы она не упала.

Их разбудили и накормили ужином, сразу после которого раздался громкий стук в дверь – за Таей пришла мама. По глубокой морщине на переносице Тая поняла, что мама опять не в духе, и дома ее ждет ремень. «Странно, что она его сразу с собой не взяла», – удивилась девочка.

– Ты вообще знаешь который час? – возмущенно спросила мама Таю.

– Прошу прощения, это наша вина, – вмешался папа Гриши. – Мы пригласили Таюшу на ужин...

– Она меня не предупредила, – сухо ответила Елена Львовна.

– Ну вы же знаете детей! – улыбнулась мама Гриши, пытаясь разрядить обстановку.

– Я знаю правила приличия, – бесстрастно ответила ей Лена. – Доброй ночи! Таисия, быстро догоняй.

И, развернувшись на своих каблуках, женщина стремительно начала спускаться. Тая судорожно пыталась застегнуть свои сандалии, чтобы успеть догнать маму.

– До свидания, – прошептала девочка ошарашенным родителям друга.

Дома ее действительно ждал ремень, расстроенная бабуля и усатый Борис Сергеевич.

Наспех умывшись, Тая легла на бочок и закрыла глаза. Несмотря на то, что ее попа все еще горела от маминых воспитательных мер, Тая засыпала абсолютно счастливым человеком, ведь когда у тебя есть такой друг, как Гришка, все остальное не имеет никакого значения. Как и то, что ты больше никогда не сможешь проглотить ни одной капли кефира...

Это вообще было самое счастливое лето в ее жизни! Почти всем детям с Таинового двора уже исполнилось семь лет, и они, как и Тая с Гришей, должны были осенью пойти в первый класс. В их районе было несколько школ и две гимназии. В обычную школу можно было попасть по прописке, а в гимназию – только после сдачи очень сложного вступительного экзамена, ну или при условии, что твой родитель занимает очень важный пост. В этом случае вступительный экзамен был несколько легче.

Тая прекрасно помнила, как в их доме разгорелся спор по поводу ее будущей школы. Обычно сдержанная Анна Аркадьевна проявила несвойственную ей решительность и твердость и однозначно заявила, что Тая пойдет только в гимназию и никуда больше!

– Мама, эта школа находится дальше всего от дома. Кто ее туда будет водить? Уроки начинаются в девять, а мне уже в восемь нужно быть на заводе.

– Я, – спокойно ответила пожилая женщина.

– Ты? Тебе семьдесят семь лет, ты вообще в своем уме? – возмутилась Лена.

– Ох, моя дорогая, в большей степени, чем некоторые особы, которые меня значительно моложе.

Лицо Елены вспыхнуло.

– Там очень сложный экзамен. Папы нет, и я вообще не представляю, кого можно просить, чтобы за Тайку замолвили словечко.

– А с чего ты взяла, что за нее придется просить? Ты вообще понимаешь, насколько умная у тебя дочь? Она, между прочим, читает быстрее, чем пацаны Лизы с Беллой. А они ее, на минуточку, на пять лет старше. Тая прекрасно ориентируется в политической карте мира, а в шахматы ей просто нет равных!

Лена закатила глаза.

– И в кого же это она у нас такая гениальная?!

– В бабушку, конечно, – усмехнулась Анна Аркадьевна. – От тебя лишь требуется найти пять минут, чтобы зайти в гимназию и написать заявление. И не забыть правильно указать педагога, к которому ее нужно записать – Белла Аркадьевна. Практически наша тезка. Она там лучшая. Запомнила?

– Кругом одни евреи! – фыркнула ее дочь. – Хорошо, но учти, что, если она завалит экзамен, а по прописке идти уже будет поздно, ты сама будешь решать вопрос. Без меня, – подытожила она.

Елена сдержала слово и написала в гимназию заявление. Ровно в назначенный день Тая с бабушкой пришли на экзамен. Обе опрятные и элегантные: Анна Аркадьевна с высокой прической и в бледно-желтом льняном платье, Тая с двумя аккуратными косичками и нарядном костюмчике в морском стиле.

Экзамен оказался на удивление легким. Скучающие и немного уставшие женщины из приемной комиссии попросили Таю сначала прочитать вслух, потом сосчитать пару примеров в уме, назвать несколько стран и столиц и для чего-то нарисовать мужчину и женщину. Тая нарисовала усатого господина в пальто и шляпе, а женщину кудрявую, с тонкой талией и на высоких каблуках. В качестве последнего вступительного испытания детей просили рассказать наизусть любое стихотворение. Тая слышала, что детишки до нее все как один рассказывали под копирку «У Лукоморья дуб зеленый...», а уставшие тетеньки из приемной комиссии слушали их вполуха. Перед экзаменом они с бабулей тоже повторяли Пушкина, но, успев послушать его уже раз десять, Тая очень захотела развеселить грустных барышень, поэтому, когда до нее дошла очередь, Тая вышла на середину класса и громко произнесла: «Таисия Виельгорская. Папа вазу опрокинул».

Папа вазу опрокинул, кто его накажет?

«Это к счастью, это к счастью!» –

Все семейство скажет.

Ну а если же к несчастью, это сделал я.

«Ты разиня! Ты растяпа!» – скажут про меня.

Тая видела, как уставшие женщины оторвались от своих заметок и подняли на нее удивленные глаза.

– Ты чья такая малышка? – улыбнулась одна из женщин, приподняв очки, чтобы лучше рассмотреть девочку.

– Таисия Виельгорская! – звонко повторила Тая.

– Белла Аркадьевна, – ответила ей учительница и быстренько, просмотрев списки, удовлетворенно кивнула. – Будешь в моем классе.

Тая хоть и не видела бабушку, но знала, что та сейчас сидит где-то на последней парте и довольно улыбается. Улыбалась и завуч школы, которая теперь каждый вечер наряжалась дома в изысканный шелковый халат, заботливо сшитый из старых дефицитных запасов Льва Константиновича и подаренный ей в знак уважения от Анны Аркадьевны. Тая была безусловно талантливым ребенком, но лишняя предусмотрительность еще никому не помешала.

Да, это было действительно самое счастливое и беззаботное лето в жизни Таи. Во всех детских садах уже давным-давно прошли выпускные в подготовительных группах, и дети, предоставленные сами себе, целыми днями носились по улице. Они играли в догонялки, казаки-разбойники, «горячую картошку» и зарывали за гаражами «секретики». Тая с Гришей даже сделали один общий «секретик», спрятав в ямку его солдатику, Таиною маленького лисенка и кучу фантиков от конфет, которыми их угостил Гришин дедушка. Поверх всех сокровищ они положили кусочек березовой коры, на котором стеклом вырезали две буквы: «Г+Т».

Все ребята во дворе знали про эту странную и очень трепетную дружбу высокого кареглазого мальчика и маленькой голубоглазой девочки, но на удивление это не вызывало ни у кого насмешек. После того как Гриша пообещал Таяе, что больше ее никогда не обидит, действительно, не только Гриша, но и другие мальчишки перестали обзывать ее жидовкой и тем более кидаться в нее камнями. Тая стала своим пацаном среди Гришиных ребят и девочкой, «которая дружит с Гришей», для всех остальных девчонок.

Телефонная связь еще не была проведена в каждую квартиру. У Гриши, например, дома уже был свой собственный телефон, а вот если Таиной маме или бабушке нужно было кому-то позвонить, они ходили в специальный переговорный пункт через дом. Не имея возможности связаться и договориться о встрече по телефону, дети вставали под окнами дома и криками вызывали друг друга на прогулку. Услышать заветное «Здравствуйте, а Тая выйдет?» было главным событием дня. Как правило, дети собирались на улицу еще днем, и в отсутствии мамы Таи Анна Аркадьевна никогда не препятствовала прогулкам внучки. А если Лена и начинала ворчать, что Тая целыми днями пропадает во дворе, Анна Аркадьевна резонно отвечала, что у ребенка должно быть детство, а насидеться за учебниками и тетрадками она еще успеет.

Когда у кого-то из детей появлялись деньги, они покупали большую кружку кваса за пять копеек из старой желтой бочки возле продуктового магазина и потом ее жадно пили, передавая по кругу. По праздникам ребята брали мороженое в вафельном рожке за двадцать копеек или семечки в газетном кульке у местных бабушек. После этих семечек пальцы рук и зубы были черными, как у шахтера. Семечки Тая с ребятами не грызла, потому что помнила, что от них портятся зубы. Ей было достаточно просто сидеть рядом с друзьями на скамейке, рассказывать друг другу анекдоты и смеяться до коликов в животе.

А самым волнующим и захватывающим приключением было бегать на стройку через дорогу. Центральную улицу города, на которой жила Тая, активно модернизировали и застраивали – старые деревянные дома и сараи сносили, а вместо них возводили новые дома, очень похожие на Таин. Дети, пролезая через дырку в заборе, проникали в сердце стройки, и носились вдоль котлована. Из него еще не успели откачать воду, и в коричневой от глины воде завелись головастики. Тая и ее друзья с визгом их вылавливали, и, набивая ими полные карманы, тащили лягушат к себе во двор. Естественно, головастики такое путешествие пережить не могли, а у детей, ко всему прочему, начали появляться бородавки. Само собой разумеется, что причина появления бородавок была не в лягушках, но родителям этого было не понять. Кто-то из них нажаловался бригадиру стройки, и дырку в заборе заделали. В глубине души Тая подозревала, что этот кто-то была ее мама...

Как-то раз, прибежав домой на обед, девочка застала дома родителей Гриши. Бабушка, как всегда с идеально прямой спиной, сидела в кресле, а мама и папа Гришки напротив на диване.

– Таюша, подожди, пожалуйста, в своей комнате. Мы как договорим, я тебя сразу же покормлю, – ласково сказала Анна Аркадьевна внучке.

Тая, поздоровавшись с родителями друга, юркнула в комнату, предварительно не забыв оставить дверь открытой.

– Понимаете, он же ничего без нее делать не хочет, – продолжила разговор мама Гриши. – Представляете, дедушка таким трудом достал ему путевку в «Орленок», вы же наверняка сами знаете, что туда берут только школьников, но учитывая спортивные достижения Григория и его рослость нас были готовы взять, а он отказался! – сетовала женщина. – Сказал, что без Таи никуда не поедет.

Таино лицо в соседней комнате расплылось в улыбке.

– Анна Аркадьевна, – продолжил папа Гриши. – Он ведь ее увидел в первый день, как мы сюда переехали, им тогда и пяти еще не было. Как сейчас помню, он яблоко грыз и в окно смотрел. Ну и увидел, как вы с ней по двору идете. Тая с бантиками была и в платье каком-то светленьком. Гриша застыл, как вкопанный, и сказал мне, что это самая красивая девочка на свете. Я тогда серьезно к этому не отнесся, учитывая их юный возраст, – засмеялся мужчина. – Но потом, пару месяцев назад, когда Гриша в нее камнем кинул... – он на секунду откашлялся.

– Вы простите нас, пожалуйста. Анна Аркадьевна, вы ни в коем случае не подумайте, что мы антисемиты. Мы Григория таким словам не учим, и Володя, наоборот, его поругал тогда, – вмешалась мама мальчика.

– Что вы, я все понимаю, – ответила Анна Аркадьевна. – Я со Львом Константиновичем не один год прожила. Мы ведь и здесь не без помощи его фамилии оказались.

Пожилая женщина обвела комнату взглядом.

– А вы, простите, кто в девичестве? – зачем-то уточнил папа Гриши.

– Грейг, – Анна Аркадьевна загадочно улыбнулась. – Знаю, вам было любопытно.

Брови мужчины поползли вверх.

– Вы ведь родом из Ленинграда, насколько я знаю... Неужели те самые Грейг? – еще больше удивился мужчина.

– Те самые, – ответила она все с той же загадочной улыбкой.

Родители Гриши многозначительно переглянулись.

– А Тая, она же совсем на вас не похожа. Такая беленькая... – отважилась полюбопытствовать женщина.

– Ой, я вас умоляю! Каких только кровей на Руси не перемешалось. Так какой у вас был вопрос касательно моей внучки? – Анна Аркадьевна перевела тему.

– Ах, да, – папа Гриши опять закашлялся. – Мы тут перед школой на Черное море решили ребят свозить. Первый класс же на носу.

– И мы знаем, что наш мальчик без Таи никуда не поедет, – с отчаянием в голосе добавила его жена. – Просто ваша дочь, Елена, – было видно, как женщина пытается тщательно подобрать слова, – она такая консервативная, вот мы и решили сначала с вами поговорить...

– Так сказать, получить добро у самого старшего члена вашей семьи, – закончил за нее муж.

– Вы хотите взять Таисию с собой? Я вас правильно поняла? – уточнила Анна Аркадьевна.

Супруги закивали.

– Мне надо будет поговорить с Таей. Сейчас я не готова вам что-либо ответить...

– Да-да, конечно! – закивали родители мальчика.

Анна Аркадьевна поднялась.

– Может все-таки чаю? – предложила она гостям, по всей видимости, не в первый раз.

– Ой, нет, спасибо большое! Мы уже пойдем.

Пара тоже встала и пошла на выход.

– Спасибо большое! Вы удивительная женщина, – сказал ей на прощание мужчина.

– Тая, до свидания, – крикнули родители Гриши и ушли.

Услышав их последние слова, Тая пулей вылетела из комнаты.

– Бабулечка, красатулечка, моя самая любименькая, ну, пожалуйста, ну я тебя умоляю, можно я поеду с ними, можно? – затараторила внучка.

– Подожди, Таяша, успокойся, – засмеялась женщина. – Расскажи мне, моя птичка, что у тебя там с твоим Гришкой?

– Он мой лучший друг! – восторженно ответила девочка.

– То есть, он уже не дурак? – брови бабушки хитро поползли вверх.

– Бааа, ну ты же сама говоришь: кто старое помянет, тому глаз вон, – захныкала Тая.

– Это все в прошлом. Бабуль, ну пожалуйста!

– Подожди с «бабуль»! А что там насчет любви? Его папа с мамой сказали, что он без тебя ни есть, ни пить может. Так влюблен, что даже от Черного моря отказывается, бедолага.

Было видно, что сложившаяся ситуация забавляла Анну Аркадьевну.

– Ну да, говорит, что любит, – засмушалась ее маленькая внучка.

– А ты? – допытывалась бабушка.

– Я его тоже, бабуль, очень сильно люблю. Почти как тебя! – искренне ответила Тая.

Анна Аркадьевна улыбнулась еще шире и прижала к себе внучку.

– Птичка ты моя невеличка. Ваша дружба с Гришей – это самое светлое и доброе, что бывает в детстве. Вы вырастаете, повзрослеете, каждый пойдет своей дорогой, но несмотря на расстояние и время, вы непременно будете вспоминать с теплотой в душе ваши первые чувства. Запомни свои ощущения и крепко-крепко береги их в своем сердце.

Тая слушала внимательно и слегка нахмурившись.

– А почему ты решила, что мы когда вырастим, разойдемся? Вы же с дедушкой всю жизнь прожили вместе.

– Действительно, что это на меня нашло?! – чуть погрузнев, ответила Анна Аркадьевна. – Жизнь ведь удивительна и непредсказуема! Кто знает, как у вас все сложится... хочешь со своим Гришкой на море?

– Очень хочу! – взмолилась Тая, сложив руки перед собой.

Бабушка посмотрела в ее горящие глаза и опять улыбнулась.

– Мамы там не будет и бабули тоже. Не испугаешься?

– Ну, там же будет мама Гриши и его папа...

– А папа его не вызывает у тебя ужас? – Анна Аркадьевна прекрасно знала, какие чувства испытывает Тая к кавалеру своей дочери.

– Не, ты что. Он же не такой уса́тый, как Борис Сергеевич. И вообще не строгий. Они очень добрые. И братишка у него просто прелесть!

– Ну, если так, то тогда твоей старенькой бабушке бояться нечего. Пойдем пюре с котлетками кушать.

Убедившись, что внучка действительно хочет на море со своим другом и его семьей, Анна Аркадьевна решила вечером поговорить о заманчивом приглашении со своей дочерью.

– Нет, нет и еще раз нет! – вскричала Лена, услышав про гипотетическую поездку Таи на Черное море.

Разговор состоялся на кухне после того, как молодая женщина вернулась с работы.

– Мы что нищие? – продолжала возмущаться она. – Они думают, что я не в состоянии свозить сама своего ребенка на море?!

Тая, слыша спор между бабушкой и мамой, забилась в угол кухни.

– При чем тут «нищие»?! – возмутилась в свою очередь Анна Аркадьевна. – Дети дружат, семью Григория мы прекрасно знаем, я уже не в том возрасте, чтобы совершать такие поездки, а у тебя, между прочим, отпуска летом больше нет. Ты уже съездила... – кивнула она в сторону комнаты, где, как обычно, восседал в кресле Борис Сергеевич.

– Ты на что намекаешь? – вспыхнула Елена.

– Я ни на что не намекаю, – поджала губы Анна Аркадьевна. – Я просто ясно вижу твои приоритеты. Тобой движут непонятные мне эмоции и комплексы, а я лишь призываю тебя включить разум и реально оценить ситуацию: у моей внучки и твоей дочери есть хорошая возможность провести время на море, а ты по каким-то сугубо личным причинам хочешь ее этого лишиться!

– Мама, о каких еще приоритетах идет речь? Мне уже почти тридцать лет, а я еще ни разу не была замужем. Неужели я не имею права пожить для себя?! Разве я не заслуживаю своего собственного счастья?!

– Доченька моя, о каких годах ты говоришь? Тебе ВСЕГО ЛИШЬ почти тридцать! У тебя еще вся жизнь впереди! Ты уверена, что хочешь прожить ее вот так: с абсолютно безучастным и вечно просиживающим свои штаны в кресле мужчиной? Так ты представляешь свое семейное счастье? А о Тае ты подумала?

– А при чем тут вообще Тая?! Это была твоя идея сохранить...

– Значит так, – оборвала ее на полуслове Анна Аркадьевна, – я не спрашиваю у тебя разрешения, а ставлю перед фактом, что Таисия едет на Черное море. Точка! И если ты позволишь, я продолжу убирать со стола, а тебя ждет телевизор и твой прекрасный гражданский муж.

Анна Аркадьевна повернулась к дочери спиной и принялась смахивать со столешницы крошки, давая понять, что разговор окончен.

Ошарашенная Лена открыла было рот, чтобы что-то сказать в ответ, но потом передумала и, немного сникнув, вышла из кухни. На Таю она даже не взглянула.

Тая же, сидя в своем укрытии, разрывалась от совершенно противоположных чувств. С одной стороны, она была безумно благодарна бабушке за то, что та так рьяно отстаивала ее интересы. С другой стороны, ей было очень страшно, что мама теперь на нее рассердится и еще припомнит этот случай. Она никогда до этого не слышала, чтобы бабушка повышала голос, тем более на маму... Тая захныкала.

– Таюш, подойди ко мне, – позвала ее ласково бабуля. – Ну не плачь, все хорошо. Прости нас, пожалуйста, что мы, как бабки на вокзале, раскричались.

Тая вылезла из укрытия и кинулась к ней на шею.

– Спасибо тебе, – с жаром шепнула она в ухо пожилой женщине. Тая чувствовала, как ее соленые слезы размазываются по бабушкиной щеке.

Анна Аркадьевна улыбнулась и крепко прижала к себе внучку. В глубине души она безумно злилась, прежде всего, на себя, что Таюша стала невольным свидетелем их очередной ссоры с дочерью. Видимо, она стареет, раз позволила себе на секунду потерять контроль. Нужно беречь и без того расшатанную психику ребенка... В следующую минуту пожилая женщина почувствовала резкую нарастающую боль в голове, затем головокружение и яркую вспышку света перед глазами. Сердце больно сжалось в груди, а дыхание стало сбивчивым и поверхностным.

– Скорую... – из последних сил сказала она.

Через секунду Анна Аркадьевна потеряла сознание.

Глава 3

– Ну же, милая, очнитесь. Вы меня слышите?

Пожилая женщина с трудом открыла глаза. Перед ней маячило белое пятно с женским голосом.

– Вы помните, как вас зовут? Назовите ваше имя, – продолжил задавать вопросы женский голос.

– Мама, ты нас слышишь? Видишь?

Анна Аркадьевна узнала голос дочери и легонько кивнула.

– Попробуйте улыбнуться, – попросило ее белое пятно.

Анна Аркадьевна выжала из себя подобие улыбки, сиюсья разглядеть черты человека, разговаривающего с ней.

– Мимика пострадала не сильно, – удовлетворительно кивнуло белое пятно с женским голосом. – Скажите теперь: «Тридцать три» и вытяните руки перед собой.

– Тлицать тли, – язык отказывался ее слушать. С большим трудом у нее получилось вытянуть вперед только одну руку. Левая не шевелилась.

– Моторика практически в норме. Речь, думаю, восстановится, – задумчиво произнесло белое пятно.

– Я ас не ижу, – с ужасом в голосе сказала Анна Аркадьевна.

– Милая моя, не нервничайте, пожалуйста. Вам сейчас крайне важно сохранять спокойствие. Вы перенесли ишемический инсульт. Сейчас вы находитесь в реанимации. Мы вам дали препараты, позволяющие восстановить мозговую деятельность. В первое время после нарушения мозгового кровоснабжения очень часто наблюдается частичная потеря речи и моторики. Зрение – это, по всей видимости, побочный эффект от инсульта. Дайте вашему организму время, чтобы адаптироваться и восстановиться. А учитывая ваш преклонный возраст, для вас сейчас самое главное – покой и сон. Завтра утром мы возьмем анализы и проведем необходимое обследование.

Белое пятно встало.

– Отдыхайте!

– Доктор, можно я останусь с ней еще на ночь?

«Еще на ночь?!» Анна Аркадьевна слышала, что голос дочери встревожен. Воздуха по-прежнему не хватало, а каждый вздох давался ей с болью.

– Острой необходимости в этом нет. Не волнуйтесь – она здесь под присмотром высококвалифицированных специалистов. Лучше поезжайте домой и выспитесь.

Анна Аркадьевна попробовала кивнуть в знак согласия – дома Тая.

– Видите, ваша мама не против, – подытожило белое пятно. – Все будет хорошо! До завтра.

Елена подошла к матери и неловко коснулась ее руки.

– Мам, я поехала. Умоляю тебя – не нервничай. Ты же все слышала – покой и сон.

Анна Аркадьевна моргнула глазами. Сил говорить у нее совсем не осталось.

Лена наклонилась, чтобы поцеловать морщинистую щеку мамы, но потом, помедлив, неуклюже чмокнула ее куда-то в висок и вышла, оставив после себя лишь аромат терпких духов.

Анна Аркадьевна осталась в палате одна. Первое, о чем она подумала – это сколько же дней она здесь провалялась. Бедная ее маленькая птичка! Вот уж, она, наверное, испугалась, когда старая бабка рухнула на пол кухни. Лежит, наверное, сейчас на диванчике, вытаращив свои глаза-блюдца, и боится... Пожилая женщина поежилась, представив свою внучку одну в комнате – напуганную и одинокую.

Анна Аркадьевна изо всех сил попыталась сфокусировать зрение, чтобы осмотреться в палате. Все вокруг было размытым. Приблизив руку к лицу, она разглядела нечеткие контуры пальцев и ногтей. А посмотрев в окно, поняла по багряным оттенкам, что день близится к концу. На секунду ей стало страшно от того, что больше она никогда в жизни не сможет увидеть закаты и рассветы солнца, перестанет различать лики природы и лица родных ей людей. Память пронесла перед глазами калейдоскоп из таких дорогих ее сердцу женщин: нежная и немного задумчивая Лиза с длинными волосами цвета кофейных зерен, заносчивая и бойкая Белла с орлиным носом и черной как смоль густой шевелюрой, кудрявая и всегда чем-то озабоченная ее кареглазая Лена и маленькая, беленькая и такая тоненькая Тая... Анна Аркадьевна сжала, насколько ей хватило сил, кулаки.

«Прости меня, Левушка! Но мне еще рано к тебе. Еще лет десять, пожалуйста. Знаю, что прошу о многом. Но я ведь тебя никогда ни о чем не просила, мой родной. Мы еще обязательно свидимся, только не сейчас... Чуть позже. Умоляю тебя, дай мне еще немного времени. Вот закончит Таюша школу, и я сразу к тебе. Раньше я на свадьбе ее мечтала погулять, но сейчас понимаю, что глупо все это и наивно. Руки уже не слушаются, ноги еле ходят, а глаза так вообще отказываются видеть. Но я буду держаться и крепиться. Сколько я всего на своем веку пережила, неужто я с инсультом не справлюсь?! Если бы ты видел, какая у нас Таюша замечательная получилась, ты бы сразу меня понял. Глазки умненькие, живые, а любопытная до чего! Левушка мой... Единственный мой... Сердце разрывается от того, что мы не вместе. И жизнь без тебя уже не жизнь, но не могу я ее подвести. Душа у меня болит за нашу внучку... Пожалуйста, подожди меня еще чуть-чуть, самую малость. И я приду к тебе, обязательно приду. Обещаю...»

Анна Аркадьевна горько заплакала.

В это же время за десятки километров от здания больницы в доме с огромными окнами и толстыми стенами из красного кирпича лежала на маленьком диванчике худенькая светловолосая девочка с голубыми глазами и тоже горько плакала. Больше всего на свете она боялась, что никогда больше в жизни не увидит свою любимую всегда опрятную и элегантную старенькую бабушку: непременно с белоснежным воротничком, аккуратно уложенными волосами и обязательно с небольшой сумкой в тон туфель...

Через две недели Анну Аркадьевну наконец-то выписали из больницы – похудевшую, уставшую и немного сломленную... Левая рука по-прежнему плохо слушалась, а зрение, хоть и частично восстановилось, но все же было уже не таким острым, как раньше. Анне Аркадьевне пришлось постричься под каре, так как непослушные пальцы никак не могли уложить волосы в привычную ей аккуратную прическу.

Само собой разумеется, что деятельная Белла Львовна прилетела из Ленинграда к маме на выписку. Ворвавшись в квартиру, словно вихрь, она первым делом бросила презрительный и высокомерный взгляд на атрибуты появившегося в этом доме мужчины: одеколон «Шипр», бритвенный станок, стоптанные кеды и одинокий, выдавший виды плащ на вешалке в коридоре. Затем, переодевшись в спортивный костюм и соорудив высокую прическу, как у китайского императора, со свойственной ей энергией и напором Белла принялась убирать в квартире: безжалостно кидая в мусорное ведро баночки, пакетики и всевозможные коробочки, натирая до блеска полы и стены, словно в их доме побывала великая чума, выбивая до одури ковры и подушки и со свирепостью кентавра передвигая с места на место тяжелую дубовую мебель. При виде Беллы Борис Сергеевич тут же вспомнил, что как раз собирался навестить своего брата в деревне, о котором до этого, к удивлению, никто и не слышал, а Леночка неожиданно засобиравшись на работу доделать неотложное дело, но под строгим и волевым взглядом сестры стушеввалась и, собрав все комнатные цветы в горшках, удалилась в ванную комнату протирать им листочки. Ничего не понимающая еще в тонкостях бытия Тая с удовольствием помогала тете Белле с уборкой, радуясь в глубине души тому, что волосатый Борис Сергеевич наконец-то

куда-то уехал из ее любимого дома. А Анна Аркадьевна с равнодушным видом царицы расположилась в кресле и смотрела телевизор, который в кои-то веки никто не охранял, и лишь легкая ухмылка на губах выдавала то, как забавляет ее сложившаяся ситуация.

Покончив с уборкой и выпустив весь свой гнев, Белла Львовна натерла чесноком курицу, почистила картошку и, поставив все это в духовку, наконец-то немного успокоилась. Достав из сумки привезенный армянский коньяк и разлив его по рюмочкам, она вытащила Лену из ванной, насильственно оторвав ее от горшков с цветами, и усадила на разговор, которого, очевидно, было не избежать.

Белла достала пачку сигарет и закурила прямо на кухне.

– Лен, вот ты же нормальная баба, – начала она, глубоко затянувшись.

Лена поморщилась от табачного дыма и ничего не ответила – она знала, что за этим многообещающим началом последует очередная крамольная мысль от старшей сестры.

– И не смотри на меня так – я не пойду в подъезд, как какая-то малолетка. Если я приняла решение курить, то буду это делать с достоинством, а не прятаться по углам, стесняясь того, что делаю. – Белла еще раз глубоко затянулась и выпустила дым практически Лене в лицо.

– Ты нарочно? – возмутилась сестра. – Кури хотя бы в форточку, весь дом от тебя провоняет.

– Уж лучше от меня, чем от кого-то другого, – фыркнула ей в ответ Белла. – И чтобы ты знала, мама разрешает мне курить, а хозяйка в этой квартире она, если вдруг кто-то об этом забыл.

– Ты сейчас на что намекаешь?! – брови Лены поползли вверх от негодования.

– Знаешь, я не намекаю, а я злюсь, потому что мне вообще непонятно, что за освенцим ты тут устроила! Мама и Тайка вынуждены ютиться в комнатке, телевизора, который, на минуточку, покупал папа, они лишены, им даже вечером чай попить нельзя, потому что здесь поселился какой-то козел, из-за которого у моей красавицы сестры совсем поехала крыша. Лен, собственно, с чего я начала, ты же нормальная баба, не на помойке себя нашла... Зачем он тебе? Неужели все нормальные мужики в городе закончились? В комиссионке решила прибахлиться?

Белла еще раз глубоко затянулась и затушила бычок в маленькой элегантной пепельнице, которую извлекла из той же сумки, что и коньяк.

– Леночка, ну ты же невероятная умница, – продолжила она чуть мягче, – поверь мне, ты заслуживаешь лучшего! Что ты вцепилась в этого угрюмого усача?

Лена сидела напротив и молчала.

– Вот, честно, – продолжила Белла. – С мужчиной нужно жить, если ты голову потеряла от страсти и любви, потому что он атлетичный красавец и неутомимый любовник. А это, очевидно, не наш случай, – поморщилась она и залпом опрокинула в себя рюмку коньяка. – Ну или это такая партия, что тут без вариантов – будешь, как сыр в масле кататься и горя не знать, потому что умен, богат и перспективен, ну или хотя бы перспективен, как наш покойный папочка, только тот еще был атлетичный красавец, и судя по четырем дочкам, неутомимый любовник, – Белла хихикнула. – Да, и мамочку нашу на руках носил. А твой Боря что? Ни рыба ни мясо, да еще и, по всей видимости, алкаш.

– Почему это алкаш?! – удивилась Лена.

– А ты вообще с мамой часто разговариваешь? Ты в курсе, что он вашу водку втихую пьет, которую мама с Тасей в очереди полуторачасовой получают???

– Ты что меня еще водкой вздумала попрекать?! – возмутилась ей в ответ сестра. – Нашла из-за чего! Можно подумать мне или маме, или, тем более, Тайке нужна эта водка! – фыркнула она.

– Удивительный ты человек, Елена Львовна! А каким это чудесным образом эта квартира обслуживается, ремонтируется, а холодильник никогда в ней не бывает пустой?! Ты вообще

видишь, как люди в стране живут и хоть на секунду представляешь, насколько мама облегчает твою жизнь? Это тебе не кудри крутить и на заводе на каблуках перед твоим усатым мерином гарцевать! – было видно, что Белла завелась не на шутку. – Живешь на всем готовом, – продолжила она. – Мама сначала в очередях за продуктами стоит, потом готовит тебе, договаривается со всякими алкашами из домуправления, если что-то сломалось, водку меняет на бананы, Таей с утра до вечера занимается, а ты это все как должное воспринимаешь! Более того, у тебя еще хватает совести чуть что рывкаться на нее. Ты ничего не перепутала, сестренка?

– Ой, вот только не надо тут жертв из всех делать. Мама взрослый человек, и я ее с собой жить не заставляю. Не нравится, пусть не живет!

– Вот ты свинья, Ленка! – лицо Беллы исказилось от гримасы. – Это ты можешь здесь не жить, если тебе что-то не нравится! Напомнить еще раз, чья эта квартира?

– Ты меня выгоняешь? – повысила Лена голос на сестру.

– Нет, на место ставлю. И, кстати, если тебе так нужен этот Борис Сергеевич, что ж ты у него не живешь, или ненаглядному Борису Сергеевичу самому негде жить? – Белла язвительно улыбнулась.

Лена ничего не ответила и выпила.

– Ну скажи мне, Лен, ну неужели ты в него по уши влюблена? Ну правда?

Молодая женщина посмотрела на курящую напротив сестру и тяжело вздохнула.

– Знаешь, Белл, как я этой жизнью сыта по горло? Вот до сих пор, – Лена выразительно провела ребром ладони по горлу.

– Так сыта, что самой противно, – продолжила она. – До рвоты, понимаешь? Ты хоть представляешь себе, что такое быть младшей сестрой, когда две твои старшие – первые умницы и красавицы. Куда ни придешь, тебя все спрашивают: «А, это ты сестренка Лизы и Беллы?». Что бы ты ни сделала, тебя постоянно сравнивают с твоими легендарными сестрами. А вещи? Это вам хорошо было – вы погодки. А я в глаза ни одной новой тряпки не видела – все приходилось за вами донашивать!

– Да, как ты можешь... – опешила Белла.

– Вы только и делали, что сначала от пятерок отмахивались, а потом от пацанов, которые перед вами штабелями падали. А я, как ваша бледная тень, только со стороны на это смотрела и восхищалась...

– Лен, да ты же самая красивая из всех нас...

– Ой, ладно, не утешай меня, – отмахнулась она. – А потом Салават, и все по-другому... Кто-то хоть в первый раз на МЕНЯ посмотрел, понимаешь?! А что в итоге? Был мальчик да сплыл и оставил мне подарочек в подоле... Что теперь ко мне ни один нормальный мужик подойти не может! Потому что я как проклятая! Девка гулящая, которая нагуляла непонятно где и непонятно от кого! А что мне им сказать? Что про Тайкиного деда теперь в газетах можно прочитать, а его отец на новенькой Волге по Москве катается? Чем мне похвастаться??? Да я уже семь лет от этого позора отмыться не могу, как бы ни старалась и сколько бы ни гарцевала на своем заводе, как ты выражаешься... Да я благодарна этому козлу Борису Сергеевичу, как вы его с мамой называете, что у него хотя бы встал на меня, и что у меня наконец-то за столько лет появился мужчина. И пока вы тут с твоим интеллигентным до мозга костей муженьком вершите судьбы Советского Союза, я буду скромненько жить в своей провинциальной дыре... – голос Лены перешел на крик.

– Лена, успокойся! – Белла попыталась ее обнять.

Женщина отмахнулась и вскочила на ноги.

– Я всю жизнь жила по вашим сценариям: «Лена, читай, будешь умной, как Лиза с Беллой! Лена, занимайся балетом, будешь стройной, как Лиза с Беллой! Лена, нужно поступить в авиационный, будешь востребованной, как Лиза с Беллой! Лена, найди хорошего парня, выйдешь замуж, как Лиза с Беллой!» А я терпеть не могу читать, ненавижу балет и всегда хотела

стать врачом, но разве мое слово или желание что-то стоит против вашего? А где ваш обещанный брак? Ведь я же встретила отличного парня! Только что не так?

Щеки Лены покраснелись.

– А я тебе скажу, что не так! Мы с тобой, моя дорогая сестричка, еврейки! И таких, как мы, в печах сжигали за непригодность! Только ты хитрая, как змея, и мужа себе нашла соответствующего – партийного и властного! Чтобы никто никогда не смел спросить какая же это в девичестве у Беллы Львовны была фамилия, потому что бояться его и тебя, по всей видимости.

– Сучка!

– Кто бы говорил! Только я не такая хитрая, и не умею, как сирена, песнями своими голову капитанам морочить. Вот и достался мне заводчанин с дипломом ПТУ. И раз вы такие с Лизой умные, занимайтесь своей жизнью, а мою оставьте в покое! Я живу с тем, кого заслужила и работаю там, где могу. Нет у меня больше ни сил, ни желания мечтать о принце и лучшей жизни. Намечталась уже...

С этими словами Лена встала из-за стола и закрылась в ванной комнате, громко хлопнув дверью. По шуму открывшегося на полную мощность крана с водой можно было понять, что женщина решила принять ванну или заглушить душившие ее рыдания.

Белла сидела на кухне и молча курила, когда вошла Анна Аркадьевна.

– Судя по всему, разговор не получился, – усмехнулась пожилая женщина.

Дочка грустно покачала головой ей в ответ.

– Мам, ты слышала? Она же нас всех ненавидит... – в ужасе прошептала Белла.

– Слышала, – грустно кивнула Анна Аркадьевна.

– Но как? Вы же всех одинаково любили, и вещи папа всегда всем привозил, и игрушки... Она же самая младшая была. Мы ее все наряжали, как куклу!

– Знаю, Беллочка, – Анна Аркадьевна положила свою морщинистую руку на руку дочери.

– Это меня в детстве вороной звали за черные волосы и большой нос, а она же всегда как принцесса была – самая красивая из всех нас! – продолжала в ужасе причитать Белла. – Как она может считать себя некрасивой?!

– Много я об этом думала, доченька... Себя прежде всего винила, что где-то недоглядела. То ли от любви ее неудачной беды пошли, что она так озлобилась на весь мир, то ли всегда она была с червоточинкой, но любящее родительское сердце мешало эту червоточинку разглядеть. Не знаю, моя хорошая...

– Мамочка, давай я тебя от этой стервы заберу. Будешь с нами жить, нервы свои беречь.

– Белла, Белла, не говори так про мою дочь. Вы все: ты, Лена, Лиза – мои дети, и что бы вы ни сделали, что бы ни сказали, я всегда буду на вашей стороне, понимаешь? Я могу вас поругать, сделать замечание, но обижать вас никому не позволю. Тем более друг друга.

Белла с обожанием посмотрела на свою маму и нежно ее обняла.

– Я знаю, что ты Таю не можешь бросить...

Анна Аркадьевна кивнула.

– Мне ее через месяц в первый класс вести...

– Я помню, – Белла улыбнулась впервые за вечер. – Тая и вправду удивительная девочка – такая умненькая и смышлёная. Вся в тетю!

– В бабушку, – засмеялась Анна Аркадьевна.

Обе женщины замолчали. Одна из них думала о том, как у одних и тех же родителей вырастают совершенно непохожие друг на друга дети. А другая всем своим сердцем понимала, что ее некогда крепкая и такая дружная семья рушилась на глазах...

В ванной комнате, укрывшись пеной и водой, еще одна женщина из этого дома испытывала невероятное чувство стыда перед мамой и сестрой, но то ли гордость, то ли какая-то старая застоявшаяся обида не давали ей смелости признать это и попросить у всех прощения...

Не было у нее невероятной силы воли уметь признавать собственные ошибки. Ей было гораздо проще объявить всем войну, даже если сражаться нужно будет против целого мира...

Через несколько дней Белла улетела. С Леной они так толком и не начали разговаривать, и все оставшееся время до отъезда одна из них предпочитала проводить на работе, а вторая – посещая старых институтских подруг. После отъезда Беллы в квартиру незамедлительно вернулся Борис Сергеевич, а с ним и его «Шипр», расческа для усов и выдавший виды плащ. Гриша улетел с родителями на море, а Тая, которая ни за что не хотела больше расставаться с бабулей, зажила прежней жизнью, пока ни наступило первое сентября.

Этого дня ждали практически все дети со двора, но никто его не ждал так сильно, как Тая. Ворочаясь на своем диванчике, девочка каждую ночь представляла, как мама заплетет ей две косички с пышными бантами – прямо как на открытках, наденет школьное платье с белым накрахмаленным фартуком, нарядные туфельки, и Тая, взяв с гордостью в руки ранец, пойдет в школу... Там она обязательно подарит самый большой букет своей первой учительнице, Тая прекрасно помнила, что ее зовут Белла Аркадьевна, и ей казалось, что именно ей подходят красные гвоздики, и та, расплывшись в улыбке, заведет Таю в класс, где ее будет ждать много новых друзей...

Но с самого начала что-то пошло не так... Все началось с туфель... То ли из-за болезни Анны Аркадьевны, то ли из-за того, что мама с бабушкой слишком сильно погрузились в свои мысли после приезда Беллы, но как-то так получилось, что Тая осталась без новых туфель – их просто забыли купить. Накануне первого сентября, когда в Елене Львовне проснулась женщина-мама, и она, погладив школьное платье и фартук, попросила Таю все это примерить, выяснилось, что подходящей обуви нет... В ужасе Лена побежала в ближайший универмаг, но ничего, кроме пустых полок, она там не увидела. Звонить Белле или Лизе и просить выслать туфельки посылкой было бесполезно, так как на календаре отчетливо значились две цифры – 31 августа... Расстроенная женщина попыталась реабилитировать старые туфли, но все было тщетно – чтобы она ни делала, на нее грустно смотрели два облезлых красных носа из потертой кожи...

– Ну ничего, – сказала она натянуто бодрым тоном, – на обуви свет клином не сошелся! Походишь пару недель в этих, а потом придет посылка от Лизы, и сможешь носить новенькие...

Тая чувствовала, что сейчас расплачется... А потом Лена достала школьный ранец... Тая представляла все, что угодно, но только не огромный бесформенный чемодан грязно-серого цвета с волком из «Ну, погоди!» на крышке... Он был чудовищно безобразен...

Абсолютно не замечая ужаса в глазах дочери, женщина положила в портфель тетрадки и очень похожий по дизайну на ранец пенал с ручками и карандаши.

– Мам, он некрасивый...

– В смысле? – вопросительно посмотрела на нее Лена.

– Ну, я думала, он будет синий с пряжкой... – неуверенно начала девочка...

– Тай, не морочь мне голову! Какой был в универмаге, такой и купила.

Мама явно давала понять, что совершенно не настроена продолжать этот разговор.

– А цветы? – спросила Тая сквозь слезы.

– Какие еще цветы??? Хватит ныть, Таисия!

– Ну, цветы для Беллы Аркадьевны, – процедила Тая, сдерживая из последних сил слезы, которые все равно предательски катились по ее щекам.

– Как ты меня достала! Где я их сейчас возьму??? – Лена развела руками.

Тая дала волю чувствам и громко заревела – весь ее мир рушился, ведь совсем неважно, что тебе всего семь, если ты уже знаешь, что у элегантной женщины обязательно должна быть небольшая сумка в тон туфель и цветы в руках по случаю...

– Леночка, ну она права, – вмешалась Анна Аркадьевна. – Кто же ходит на первое сентября без цветов?! Таюша, идем с тобой вместе сходим и найдем самый красивый букетик цветов для твоей учительницы, – ласково обратилась бабушка к внучке.

Анна Аркадьевна поправила каре, повязала вокруг шеи шелковый платочек, и, взяв в одну руку сумочку, а во вторую маленькую ручку внучки, решительно вышла на улицу.

Несмотря на то, что день близился к концу, на улице все еще было тепло. Солнце лениво ласкало лица случайных прохожих сквозь пушистые от листвы ветки деревьев. В воздухе стоял запах дровяных печей, от чего делалось по-особенному уютно. Видимо, весь город готовился к первому сентября, а счастливые обладатели деревянных домов и бань решили напоследок отмыть своих новоиспеченных школьников.

Слышно было, как где-то вдалеке тренькал трамвай, а в конце улицы лаяла чья-то собака. Из открытого окна негромко запел телевизор.

«Спокойной ночи, малыши, – узнала мелодию Анна Аркадьевна. – Значит уже восемь часов!»

– Таюша, надо ускоряться! Время-то оказывается восемь!

Девочка округлила испуганно глазки и засеменила рядом, ускорив шаг.

Жизнь научила Анну Аркадьевну радоваться счастью в мелочах: пить по утрам кофе с блаженной улыбкой, быть элегантной даже в булочной, баловать себя цветами или вкусными конфетами, по чуть-чуть, чтобы не навредить фигуре, но больше всего она любила наслаждаться общением с близкими и с упоением читать интересную книгу или просто гулять по улице, разглядывая дома, прохожих, вдыхая каждой клеточкой тела городские ароматы, подставляя морщинистое лицо ветру или солнцу...

Ей нравилось слушать, как пахнет асфальт после дождя, или как игриво щекочет ноздри свежеспеченный хлеб. А еще она любила запах краски новенькой книги или свежей газеты, любила запах гудрона из толстой и чумазой бочки и просто обожала запах метро. В их городе, к сожалению, такой транспортной роскоши не было, но когда она приезжала в гости к дочерям и спускалась в недра мегаполисов, каждый раз ее сердце ликовало от восторга, а голова начинала кружиться от окутавших ее ароматов. Казалось, она пропускала город через себя, чувствуя, как пульсирует и жадно дышит его главная артерия – метро...

Анна Аркадьевна была стопроцентным городским жителем, у которого картошка росла на рынке, а коровы доились на молочном заводе, и, как настоящий городской житель, она, конечно же, знала, где можно найти цветы в воскресенье вечером – у таких же, как она, бабушек, которые продавали дары сада прямо около входа в центральный павильон городского рынка.

Маленькие, крепкие и загорелые бабушки, повязав вокруг головы платочки, сидели на перевернутых ведерках и, разложив прямо перед собой урожай, ждали своего последнего покупателя. Кто-то продавал мелкие садовые яблочки, кто-то острые перья зеленого лука и редис, а кто-то цветы – пушистые, нежные и ароматные пионы.

Тая, правда, представляла, что подарит красные гвоздки, но, увидев крупные бутоны пышных цветов, тут же забыла о первоначальном плане.

– А можно разных? – восторженно спросила девочка.

Анна Аркадьевна засмеялась.

– Конечно, можно! Выбирай!

Тая пискнула от восторга и бережно отобрала пять красивых цветов. Ей очень хотелось порадовать свою первую учительницу.

– Ну что, теперь ты счастлива? – спросила пожилая женщина внучку, когда цветы были куплены и аккуратно завернуты в газету.

Тая счастливо закивала, а потом нерешительно спросила: «Бабуль, а уже много времени?»

– А что? – лукаво улыбнулась Анна Аркадьевна.

– Ну, мы же на рынке... А это значит, что здесь рядом дом бабы Любы. Ну и, может, мы быстренько зайдём к ней на куриный чай? – пролепетала Тая, нежно обняв свою любимую бабушку.

– Ой, лиса! – Анна Аркадьевна рассмеялась. – Выбери тогда быстренько цветы для Любы и давай зайдём ненадолго. Как скажу: «Тая, домой!», ты тут же наденешь сандалики, и мы пойдём, договорились? И никаких «пять минуточек, бабулечка-красотулечка»!

– Договорились, – закивала Тая.

Баба Люба, как всегда, была очень рада своим гостям, и, как всегда, с трудом скрывая довольную улыбку, поворчала, что зря Анна Аркадьевна потратилась на цветы, а потом заварила такой привычный куриный чай и угостила своих гостей пирожками с капустой.

На что Анна Аркадьевна, блаженно закатывая глаза от невероятно вкусной сдобы, как всегда, поворчала в ответ, что такими темпами она скоро ни в одно свое платье не влезет. А Тая, как всегда, утопая в мягких и разноцветных подушечках на диване, наблюдала за такими любимыми и родными женщинами, думала о том, как же это здорово, когда все в твоей жизни «как всегда»...

Лена открыла глаза еще до того, как прозвенел будильник. За столько лет работы на заводе она привыкла просыпаться ровно в пять пятьдесят независимо от того, выходной это или рабочий день. Открыв глаза, она посмотрела в окно, но ничего кроме темноты там не увидела – солнце еще не встало. В их краях оно вообще было редким гостем: поздно просыпалось, обычно совсем ненадолго, потом, как правило, пряталось за тучи или облака и очень рано скрывалось за линией горизонта, уходя в следующий день. И если ты был заводчанином и работал с восьми до шести, то твои шансы увидеть солнце сводились к нулю. Разве что в выходные. Да и они пролетали так незаметно, что Лене становилось не по себе, когда она осознавала, заводя по привычке будильник на 06:00, что уже вечер воскресенья, а это значит, что завтра понедельник, а с ним и новая рабочая неделя, где ее ждет ненавистный завод...

Лена повернула голову направо и посмотрела на четко вырисовывающийся на фоне светлых обоев профиль Бориса, который спал рядом с ней. Широкие крылья его носа раздувались еще больше при каждом вдохе, приводя в движение усы и губы. Рот при этом был слегка приоткрыт, и можно было слышать, как он тихонечко свистит сквозь свои выпирающие вперед зубы. «В темноте он похож на бобра», – подумала Лена. От мужчины пахло потом, табаком и чем-то кислым. Лену передернуло. «Видимо он опять пил в кресле, когда я спала», – грустно констатировала она. То, что Борис не на шутку увлекся спиртным, она заметила не сразу.

На заводе с алкоголем было строго, и на мужчин, которые злоупотребляют, стучали свои же коллеги. Начальники, как правило, ни с кем не церемонились и увольняли незамедлительно. При всем при этом папа Лены при жизни был с алкоголем на ты, обожал домашнюю вишневку, а ужин считал не ужином, если ему не налили сто граммов ледяной водки под хорошую закуску. Поэтому у нее и в мыслях не было, что у мужчины, который тем более работает фрезеровщиком на заводе, могут быть проблемы с алкоголем.

Чем старше Лена становилась, тем больше она убеждалась в том, что ни черта не умеет разбираться в людях. Она не была ни такой хваткой и пронырливой, как Белла, ни в меру осторожной и аккуратной, как Лиза, и уж тем более не такой сильной и уверенной в себе, как мама. Она не умела заводить подруг, и если с кем-то и сближалась, то неизменно оказывалось, что женщина, набивающаяся ей в друзья, на самом деле конченная стерва и сплетница, которая не упускала случая распустить грязные интриги за ее спиной. А их было предостаточно, если принять во внимание белобрысую и голубоглазую Таю, которая подрастала без отца в самой обычной интеллигентной семье... Более того, у Таи были фамилия и отчество дедушки, что вызывало еще больше поводов для пересудов. Пожалуй, масло в огонь добавляло и то обстоятельство, что эта самая обычная интеллигентная семья была еврейской, а глава семьи –

покойный Лев Константинович Виельгорский – был самым ярким ее представителем. И, может быть, не будь у ее мамы Анны Аркадьевны такой прямой спины и такого количества красивых сумок и туфель, а у нее с сестрами таких темных волос и ярких глаз, наряду с золотыми медалями и красными дипломами, то и никто бы и не обратил внимания на маленькую светленькую девочку, которую воспитывают на пару мама и бабушка, но все вышеперечисленное было и ни коим образом не давало покоя завистливым мыслям окружающих... Разочаровавшись в дружбе в первый раз, а потом во второй и третий, Лена пришла к выводу, что проще вообще никого не пускать к себе в душу, чтобы потом не было еще более одиноко...

Будучи самой младшей из трех сестер, Лена всегда оставалась где-то в стороне. Родись она с каким-нибудь выдающимся талантом: глубоким голосом, склонностью к живописи или музыке, она, быть может, смогла бы превзойти своих предшественниц, но судьба, к сожалению, ничем таким ее не одарила: ни тяги к искусству, ни к чтению, ни даже к учебе у нее не было. И как бы она ни завидовала успеху своих старших сестер, но именно благодаря ему и следовавшим за ним элегантным шлейфом из безупречной репутации учителя относились к ней немного снисходительно, списывая ошибки на невнимательность и детскую рассеянность. И если среднестатистический студент работает первые два года на зачетку, чтобы потом три оставшихся зачетка работала на него, то Лене даже этого не приходилось делать. Видя фамилию Виельгорская, преподаватели все как один расплывались в довольной улыбке в ожидании четкой и свежей мысли, чего у Лены, к несчастью, никогда не было. Нет, она не была глупой или ленивой, и изо дня в день занималась уроками, чтением книг и заучиванием английских слов, но просто все эти простые операции, в отличие от ее сестер, давались ей с трудом, а что самое страшное – без особого удовольствия. Отчего Лена чувствовала себя большим пустым сосудом, который, как бы ни старались наполнить водой, все равно оставался пустым.

С миром любви дела обстояли еще хуже. Красивые и успешные парни, которые приходили к ним в гости, воспринимали Лену как младшую сестренку – ребенка, к которому питать какие-то серьезные чувства еще рано. Ребята со двора, знавшие всех троих по детским играм, были поделены на два фронта: тех, кто был втайне влюблен в немногословную и загадочную Лизу, и тех, кто демонстративно добивался внимания яркой и харизматичной Беллы. И будь она мудрее, она бы, быть может, обратила внимание на своих ровесников из класса, на тех, кто не был знаком с ее сестрами, но захватившая ее сердце обида сделала Лену не только пустой, но и слепой...

А потом Лена встретила Салавата. Ей так отчаянно хотелось, чтобы кто-то ее любил, что, потеряв чувство меры и времени, она со всем так долго копившимся в ней пылом и жаром обрушилась, как лавина, на такое новое и такое незнакомое ей чувство. Она не ждала трех заветных свиданий, как это принято у девушек, чтобы вкусить поцелуй первой любви, не стала она ждать и предложения руки и сердца, чтобы отдаться под покровом ночи на чьих-то мягких простынях своему возлюбленному, и никак она не ожидала, что через девять самых тяжелых в ее жизни месяцев она станет матерью-одиночкой...

Тысячу раз она прокручивала в голове то, что с ней случилось: представляла, как Салават вернется в их город, постучится к ней в дверь и на коленях будет умолять о прощении, мечтала, злясь на саму себя, о том, как он заберет их с Таем в Москву и будет хвастаться перед друзьями похожей на него, как две капли воды, дочерью. Лена ненавидела его так же сильно, как и хотела простить. Наблюдая за тем, как растет его дочь, ловя на себе ее взгляды и видя в них его, она каждый раз испытывала невероятную боль от того, что когда-то вызывало в ней такое неопишемое счастье. Каждый раз, когда она злилась на Таю, она злилась прежде всего на себя за то, что была такой слабой и такой наивной...

Сев на диван, на котором они спали с Борисом, Лена нащупала ногами тапочки и, засунув в них ноги, пошла на кухню ставить чайник. Открыв кран, она набрала холодной воды, чиркнула спичкой и повернула колесико от газовой конфорки.

В квартире было на удивление прохладно для начала осени. Женщина поежилась и накинула на длинную хлопковую ночную сорочку пушистый красный махровый халат с большим и широким поясом. Завязав его потуже, она подошла к зеркалу в ванной комнате.

В отражении на нее смотрело уставшее и грустное лицо женщины средних лет. Ее длинные волнистые волосы еще не тронула седина, но они тем не менее были тусклыми и безжизненными. Под глазами намертво залегли темные круги от хронического недосыпа, а на переносице появились первые признаки морщин. Две ровные вертикальные линии, предательски выдающие ее хмурый взгляд на окружающий мир.

«Дааа ... Таким темпами тебя скоро будут принимать за Тайкину бабушку», – прошептала она грустно сама себе. «Сама виновата – с кем поведешься, от того унылости наберешься. Зато мужику своему будешь соответствовать, как нельзя лучше! Осталось только водку с ним по ночам глушить, и будет у вас самая идеальная семья...»

Лена умылась, нанесла легкими движениями кончиков пальцев на лицо сначала крем, а потом тон, стараясь при помощи последнего скрыть следы недосыпа. Затем она накрашила ресницы, по инерции подушила свои виски и запястья и, расчесав волосы, начала их завивать плойкой, укладывая их аккуратными упругими спиральками на плечи.

«Надо было бигуди на ночь сделать и не терять сейчас на это время», – проворчала она сама себе под нос.

Закончив с прической, Лена пошла на кухню, заварила свежий чай и сделала несколько бутербродов с сыром и маслом для себя и дочери. У Бориса с похмелья никогда не было аппетита.

«Пора ее будить», – подумала Елена, чувствуя, как в ней закипает раздражение от одной только мысли об этом.

Будучи по своей природе совой, Тая вставала по утрам тяжело. Лене приходилось ее тормошить, стаскивать с нее одеяло и чаще всего повышать голос. От чего неизменно просыпался Борис Сергеевич и принимался ворчать с нескрываемой злобой в голосе, как его это все достало, а Анна Аркадьевна, пытаясь защитить внучку, начинала слишком много суетиться, создавая лишь еще больше шума в непроснувшемся доме. В конце концов Лене пришлось несколько раз поссориться с мамой, прежде чем та согласилась не вставать по утрам, пока все не уйдут на работу или в школу, чтобы не накалять и без того накаленную обстановку в доме.

Женщина заглянула в комнату. Таю практически не было видно из-под одеяла, и лишь только маленькая торчащая пятка выдавала, что на диванчике кто-то спит. Мама лежала на своей кровати лицом к стене, отчего было непонятно, спит она или нет. Но Лена в глубине души понимала, что Анна Аркадьевна скорее всего не спит, просто гордость и обида на дочь не позволяют ей себя выдать.

– Таисия, просыпайся! – сказала она строгим голосом.

Тая не пошевелилась.

– Я сказала, вставай! – произнесла она еще жестче.

Тая по-прежнему не подавала признаков жизни.

Тогда Лена подошла к дивану и сдернула с дочери одеяло. Та тут же свернулась в комочек от ворвавшегося в ее сон холодного воздуха, поджав ноги к груди.

– Я кому сказала просыпаться! – женщина уцепилась девочку за плечо.

От неожиданности та открыла глаза, полные испуга.

– Больно! – захныкала Тая, потирая одной рукой плечо.

– А будет еще больнее, если сейчас же не встанешь! – сказала строго мать и, взяв дочь крепко за руку, потащила ее в туалет. С недавних пор Тая начала писаться, поэтому было крайне важным вовремя довести ее до туалета.

– Я пошла одеваться, а ты, как пописаешь, быстро умывайся и чисти зубы.

С этими словами женщина оставила дочку сидящей на унитазе и удалилась к себе в комнату. Открыв шкаф, она достала темно-синюю прямую юбку ниже колена, белую рубашку и белый халат – типичная униформа среднестатистического инженера. Застегивая пуговицу за пуговицей, она параллельно прислушивалась к звукам из уборной. Там стояла крошечная тишина.

Чувствуя, как в ней с новой силой закипает злость, Елена Львовна, не имея больше никакой возможности сдерживать себя, быстрым шагом направилась в сторону уборной, рывком дернула дверь на себя и закричала на дочь низким животным голосом: «Я кому сказала умываться??? Ты что, издеваться надо мной вздумала, тварь ты такая??? Быстро собирайся в школу!!!»

Маленькая Тая вздрогнула и посмотрела на маму сонными глазами, полными слез. Она попыталась просочиться между женщиной и дверным косяком, но та успела ее поймать и изо всех сил сжала за плечо, продолжая кричать: «Каждое утро одно и тоже! Неужели так трудно просыпаться с первого раза?! На хер мне все это нужно?! Ты что думаешь, у меня больше дел нет, кроме как тебя будить? Поверь, мне есть чем заняться! Можешь вообще не ходить в школу! Вырастешь тупой идиоткой и пойдешь дворником работать! Что ты молчишь? Что ты вылупила свои шары???»

Девочка смотрела на маму, не в силах что-либо произнести. Ее разрывало от страха, холода, боли и обиды. Она изо всех сил сдерживала себя, чтобы не начать реветь, потому что знала, что мама разозлится еще больше.

– Леночка, ты что так кричишь?

Услышала Тая самый родной голос на свете.

– Заткнись! И лучше не лезь, – рявкнула мама на бабушку.

Тая почувствовала, как сжалось ее сердце.

– Бабуль, я сейчас умоюсь и оденусь, – проскулила она.

– Я же просила тебя не вмешиваться!

Голос женщины был злой и холодный, как металл.

– Хватит, пожалуйста, – девочка схватила мать за руку. – Не кричи, пожалуйста, я боюсь тебя!

Тая почувствовала соленый вкус во рту. Видимо, она прикусила язык или щеку. Боли не было.

– А какого хрена ты тогда творишь??? Пять минут тебе чтобы собраться.

Тая, не дожидаясь продолжения гневной тирады, молниеносно ринулась в ванную комнату, наспех почистила зубы, умылась и побежала в их с бабушкой комнату одеваться. Кушать ей совсем не хотелось.

Анна Аркадьевна стояла около окна и молча смотрела в темноту невидящим взглядом.

– Таюша, тебе помочь? – спросила она, не поворачивая головы.

– Да нет. Я уже все, – ответила девочка и, схватив школьный ранец, выбежала в коридор.

Мать уже стояла там, постукивая раздраженно носиком туфли по паркету. За считанные секунды девочка надела потертые красные башмаки и выбежала в подъезд со словами: «Пока, бабуль!» Елена Львовна молча вышла следом.

Анна Аркадьевна, по-прежнему не шевелясь, продолжала стоять около окна. Она слышала, как в соседней комнате скрипнул диван, затем тяжелой поступью кто-то прошел в уборную. Анна Аркадьевна поняла это по характерному шуму сливающейся воды. Потом в ванную комнату. И вновь Анна Аркадьевна услышала, как загудела в кране вода, но в этот раз гораздо мягче и дольше. Потом этот кто-то прошел на кухню, съел бутерброд, предназначавшийся для ее внучки, и выпил весь ее чай со словами: «Сука, холодный!» После этого этот кто-то вернулся в комнату, поскрипел дверцей шифоньера, выругался еще раз, уронив вешалки с одеждой. Кое-как наспех поднял и повесил их на место и, наконец-то, громко хлопнув входной две-

рю, ушел не попрощавшись. Анна Аркадьевна постояла еще пару минут, а потом, опираясь на мебель дрожащими руками, добралась до своей кровати, неуклюже села на самый ее край и горько заплакала...

Глава 4

Выйдя на улицу, Елена Львовна тут же ускорила шаг, так что Тая была вынуждена побежать за ней трусцой, чтобы не отставать. Полный учебников ранец был очень тяжелым, отчего лямки портфеля больно врезались в ее худенькие плечи. Несмотря на то, что Тая все еще обижалась на маму, она не могла не любоваться ее стройной фигурой и длинными красивыми волосами, которые тысячами аккуратных пружинок рассыпались на ее плечах. Мама шла уверенной походкой на своих высоких каблуках, слегка размахивая правой рукой, в которой держала сумку.

– Успеваешь? – спросила она Таю, обернувшись на ходу.

Тая кивнула и попыталась натянуть улыбку, но мама уже отвернулась и не увидела этого. Не разговаривая, они дошли до школы, где Елена Львовна, очевидно, успокоившись, попыталась загладить утренний конфликт подобревшим голосом.

– Доченька, ты же понимаешь, почему я так расстраиваюсь? Мне очень хочется, чтобы ты росла послушной девочкой и не доставляла маме никаких хлопот, а еще лучше помогала...

– Понимаю, – ответила Тая, которая на самом деле ничего не понимала.

– Поэтому, когда я прошу тебя что-то сделать, нужно с первого раза маму слушаться, чтобы мама не нервничала. Ты же знаешь, что мне вообще нельзя опаздывать на работу, а значит крайне важно проснуться рано и быстро собраться, чтобы прийти вовремя. Хорошо?

Тая кивнула.

– Ну вот и славно! До вечера!

С этими словами женщина помахала ей рукой и пошла в сторону своего завода, оставив девочку одну на крыльце.

Тая проводила маму взглядом, пока та не скрылась за углом, и только после этого потянула на себя тяжелую дверь, чтобы войти в вестибюль. Как бы она ни жаждала год назад поскорее пойти в школу, школа, к сожалению, не ответила ей абсолютной взаимностью. Нет, все было не ужасно, и сам процесс учебы доставлял ей огромное удовольствие, а Белла Аркадьевна, действительно, оказалась замечательным и добрым педагогом, чего нельзя было сказать про ее одноклассников, потому что класс Таю не принял.

Все началось с того злополучного первого сентября, когда Тая так сильно разволновалась, что в итоге утром нечаянно опрокинула на себя вазу с вишневым вареньем, отчего на ее отглаженном и накрахмаленном белом фартуке появилась большая бордовая лужа. Мама и бабушка пытались реанимировать фартук, но тщетно. И Тае пришлось пойти в школу в запасном варианте – черном будничном фартуке. Мало того, варенье навредило не только парадному фартуку, но и школьному платью, которое пришлось оттирать на скорую руку. Мама где-то услышала, что уксус прекрасно помогает в таких случаях, поэтому намочив тряпку уксусным раствором, она изо всех сил принялась растирать ткань, пытаясь избавиться от липких пятен. Пятна ушли, а вот запах уксуса нет...

В итоге, когда детям предложили после школьной линейки встать по двое и пойти, держась за ручки, в класс, с Таей никто не захотел вставать, потому что она была не нарядная и от нее странно пахло. Белла Аркадьевна вынуждена была взять девочку за руку сама, довести ее до класса и посадить прямо на первую парту перед учительским столом. На соседнее с Таей место посадили мальчика в очках с толстыми линзами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.